

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 124.5

В. А. ЕВДОКИМОВ

Омская гуманитарная академия

МАСС-МЕДИА И ЦЕННОСТИ В ПОЛИТИКЕ

В статье исследуется участие масс-медиа в формировании и утверждении ценностей в политике, процесс их взаимодействия и взаимовлияния. Автор анализирует особенности рассмотрения прессой ряда конфликтов ценностей, определяет возможности совершенствования ее деятельности, формирования культуры масс-медиа, от которой зависит глубина осмысления и переосмысления ценностей, повышения значимости знаний журналистов о политических процессах, их компетентности, профессионализма в исследовании фактов, раскрывающих закономерности развития общества. Статья может представлять интерес для исследователей роли ценностей в жизни и деятельности современных политиков.

Ключевые слова: ценности, масс-медиа, политика, конфликт.

Ценностный спектр российской политики — одна из важных тем, интересующих масс-медиа. Они отражают сближение одних предпочтений и противостояние других. Пресса может действовать и как распространитель идей, осознаваемых или не осознаваемых обществом, и как социальный контролер, предостерегающий его от нравственного дальтонизма.

В качестве ценностей можно воспринимать любое явление или предмет окружающей действительности, человеческое качество, значимое для удовлетворения потребностей и интересов граждан, высшие принципы социального действия, которые обеспечивают объединение индивидов в сообщество и согласие в нем (Т. Парсонс) или общепринятые убеждения

относительно целей, к которым человек должен стремиться (Н. Смелзер). Анализ смыслообразующих оснований бытия, определяющих направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности, конкретных деяний и поступков [1], производится в аксиологии, разделе философии, входит в качестве компонента во многие социологические, этнологические, психологические и другие концепции.

По значимости для человека и человечества выделяются высшие и низшие ценности, по типу — материальные и идеальные, по модальности — позитивные и негативные, по степени интенсивности — доминантные, вариантные и девиантные (Ф. Клакхон), по содержанию деятельности — производственные,

бытовые, профессиональные и другие, по широте содержания — индивидуальные и групповые, по сферам общественной жизни — материально-экономические, социально-политические и духовные. Политические ценности рассматриваются и как наиболее общие ориентиры политической практики, элементы идеологий [2], и как выраженные во мнениях, в суждениях позитивные ориентации людей на различные объекты и состояния политического бытия; представления о наиболее важном и значимом в политике [3]. Можно определить ценности в политике и как идеи, выражающие потребности индивидов, социальных групп, классов, общества и отношения между ними, сложившиеся в сфере участия во власти или влияния на ее распределение.

Исследователями выделены такие социально-политические ценности, как общественный порядок, мир, безопасность, свобода, равенство, справедливость, человечность [4, с. 277], государственность, державность, коллективизм, индивидуализм, права человека, толерантность [5]. Вероятно также существование в политике ценностей *стабильности, модернизации, патернализма, конкуренции, уважения прав других, миролюбия, потребления, самореализации, служения обществу, взаимодействия, утилитаризма* и других. Одним люди следуют на протяжении многих веков, осмысление значимости других началось сравнительно недавно. Так, *служение обществу* можно рассматривать как разновидность традиционных ценностей, которые отражают исторический социальный опыт, передаваемый от человека к человеку, от поколения к поколению и аккумулируемый в виде образцов, норм, принципов представления о лучшем в культуре. Что касается, например, *модернизации*, то она, по мнению Ш. Айзенштадта, отражает процесс изменений, ведущих к типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке между XVII и XIX веками [6, с. 173], соответствующие же концепции возникли только в 50–60-е годы XX века в США.

Процесс осмысления и переосмысления обществом с помощью масс-медиа ценностей в политике непрерывен. Их система разрабатывается социальной группой как организованной силой. Получив распространение, со временем они могут утратить значимость, и актуальными становятся другие. Так, в 90-е годы XX века в России произошла девальвация коллективизма и утвердился индивидуализм, связанный с повышением самооценки личности и преобладанием ее интересов над общественными.

Подвергается изменением и система нормативных ценностей, с помощью которой в годы советской власти деятельность средств массовой информации регулировалась на идеологической основе. При авторитарной власти ориентиры для журналистов определяются одной партией, субъектом социальных интересов, регламентирующим деятельность граждан во всех сферах жизни. Иное происходит в условиях рыночной экономики. На прессу оказывают влияние собственники, для которых основной целью является получение прибыли. Журналистские материалы вытесняются продуктами, относящимися к шоу-бизнесу, связям с общественностью и политической рекламе.

В условиях многопартийности в обществе взаимодействуют субъекты различных социальных интересов, распространены конфликты ценностей. Только терминальные ценности (цели политики государства) совпадают в сознании большинства граждан, а инст-

рументальные (средства реализации политики) противостоят друг другу [7, с. 123]. Система предпочтений, связанная с постиндустриальной индивидуалистической моделью западного типа, приемлема для 25–30 процента россиян; близкая к патриархально-коллективистской модели — для 35–40 процентов населения; смешанная система с противоречивым типом ценностного сознания — для 30–35 процентов граждан [8]. Определение ими значимости ценностей усложняется, так как правительства изборают утонченные способы лжи для того, чтобы дать разумные объяснения своим эгоистическим действиям и манипулировать все возрастающими в числе средствами массовой информации [9, с. 417]. Однако потребности господствующего в обществе субъекта не всегда совпадают с интересами масс-медиа. Во-первых, социально ответственная пресса, следующая профессиональным стандартам в информировании людей, обеспечивающая точность и объективность распространяемых материалов, соблюдающая правовые нормы, избегающая провоцирования беспорядков, стремится осмыслить, полезны ли предлагаемые влиятельными силами ориентиры для общества или только для отдельных групп граждан, отстаивающих корыстные интересы. Во-вторых, для масс-медиа притягательны конфликты ценностей (индивидуализм — коллективизм, служение обществу — потребление, патернализм — уважение прав других, утилитаризм — справедливость и другие), так как внимание публики привлекают острые, драматические ситуации, противоречия, возникающие в отношениях участников политического процесса.

Один из конфликтов существует между ценностями *стабильности* и *модернизации*. Господствующий в обществе субъект поддерживает сложившееся превалирование предпочтений, приемлемых для властвующей социальной группы, стремится ослабить деструктивные тенденции, сохранить статус-кво. Внедрить соответствующие стандарты мышления и поведения в массовое сознание ему помогают и государственные, и независимые от власти масс-медиа. В их содержательной модели интерес к конфликтам ценностей сочетается с влечением к распространению многочисленных развлекательных программ в ущерб передачам общественно-политической тематики, побуждающим людей участвовать в решении актуальных проблем.

В свою очередь, модернизация, осуществляемая на протяжении длительного периода, сопровождается кризисами идентичности, участия, легитимности, проникновения и распределения. Они вытекают из противоречия, возникающего между новыми универсальными стандартами и традиционными ценностями, а также между демократическими политическими институтами и теми, которые действовали до начала их функционирования. Однако вместо анализа усилий, предпринимаемых господствующим в обществе субъектом для преодоления этих кризисов, масс-медиа сосредоточивают внимание на дежурных высказываниях высокопоставленных чиновников по поводу инноваций. Пресса не разъясняет аудитории, насколько излагаемые влиятельными лидерами концепции модернизации жизнеспособны, какова эффективность их реализации, вовлекаются ли в конкуренцию все социальные группы, претендующие на участие в осуществлении власти, налаживается ли конструктивное взаимодействие с оппозицией, трансформируется ли политическая система (становление и развитие демократической системы институтов и структур, использующих во

взаимодействии демократические процедуры, адаптация общества к новому механизму регулирования конфликтов). Представляя гипотезы, версии, проекты и не отражая изменения, связанные с модернизацией, журналисты тем самым, скорее всего, способствуют дискредитации лидеров, так как провозглашаемые ими прогрессивные идеи не подкрепляются действиями, фактами. Именно факты как значимые информационные единицы обеспечивают общество достоверными знаниями о явлениях политической сферы.

Ценность *патернализма* столь же привлекательна для масс-медиа, контролируемых господствующим в обществе субъектом, как и стабильность. Патернализм основан на представлении о том, что государство лучше осведомлено о том, в чем заключаются интересы граждан, чем они сами, и, как отец, заставляет их следовать определенным предпочтениям. Большинство средств массовой информации содействуют сохранению в сознании россиян представлений о государстве как о гаранте стабильности и защитнике от бедствий, принижают значимость ценности *конкуренции* в политической сфере, разработки альтернативных социально-экономических программ.

Патернализму противостоит *уважение прав других*, которое выражается в признании того, что люди достойны блага и счастья, не нуждаются в чрезмерной опеке и контроле и, определяя свое будущее, могут ответственно, без чьего бы то ни было участия сделать осознанный выбор. Масс-медиа же, в основном телекомпаниях, вместо распространения представлений о самостоятельности личности, значимости жизни каждого индивида склонны к натуралистическому показу сцен, связанных с произволом и насилием.

Более того, тяготея к освещению острых ситуаций, журналисты способны создать условия для обострения конфликтов ценностей. Ими ведется поиск противоречий в отношениях участников политического соперничества, оглашаются нелицеприятные высказывания, адресованные одними лидерами другим. Подстегиваемые сообщениями прессы о реальных или мнимых агрессивных акциях конкурентов, деятели политики в соответствии с уровнем их культуры рассматривают победу над соперником как единственно возможный результат взаимодействия. Ради смягчения напряженных отношений, сложившихся между ними, масс-медиа могли бы способствовать распространению в обществе представлений о важности уважения прав других. Эта ценность не только обуславливает формирование у людей честности, неподкупности, но и сближается с *миролюбием*, которое отражает отношение субъектов конкуренции к интересам оппонента как к столь же значимым, как их собственные.

Влечение прессы к освещению конфликтов ценностей удовлетворяется и при рассмотрении ею проявлений *индивидуализма*, который часто противостоит уважению прав других и миролюбию. Однако происходит фетишизация индивидуализма, чреватая отчуждением личности от общества, хотя для ее развития необходимы и самосовершенствование, и изменение среды; внимание журналистов фокусируется на персонах в ущерб анализу сложных социальных процессов и политики, как коллективной деятельности.

Пресса фиксирует и сближение индивидуализма с ценностью *потребления*. В условиях рыночной экономики она воспринимается большинством граж-

дан благожелательно. С одной стороны, человек добивается повышения уровня материального благосостояния, демонстрирует высокий социальный статус, с другой — желает показать свою оригинальность, самобытность. Однако отражению масс-медиа ценности потребления свойственна однобокость. В качестве аудитории они воспринимают людей, имеющих узкогрупповые интересы, которые важно удовлетворить, делают акцент на материальном благосостоянии индивидов, прокладываящих путь в сферу политики, но не рассматривают несовершенные механизмы выдвижения претендентов на властные полномочия, а также источники формирования их потребительского отношения к окружающим, которое становится причиной деформации личности. Почему для общества важно внимание журналистов к этой сфере? В постиндустриальном обществе наблюдается тенденция снижения значимости материальных стимулов производства благ и вытеснения их мотивами повышения интеллектуального потенциала индивида и его раскрытия в социально важной деятельности (Д. Белл), распространяется ценность *самореализации*. Культура же потребления подменяет необходимость интенсивной работы, самосовершенствования, углубления профессиональных знаний важностью удовлетворения частных интересов, приводит к снижению ответственности личности за происходящее.

Масс-медиа отмечают не только широту распространения потребительского отношения к окружающим в среде политиков, но и процесс постепенного вытеснения им *служения обществу*. Эта ценность отражает чистые помыслы и благородные устремления тех, кто действует во благо людей. Однако словосочетание «служение обществу» популярно главным образом в предвыборных кампаниях, когда пресса стремится привлечь внимание общества к претендентам на властные полномочия. Если обоснованно описание Ж. Бодрийаром мира как гиперреальности, когда масс-медиа конструируют события и реальность не отражается, а подменяется [10], то достаточно широко распространено и конструирование ими имиджа политика, который не соответствует истинному облику человека, искажает его. Представления кого-либо в ложном свете, очевидно, можно было бы избежать в ходе исследования журналистами процесса становления влиятельных людей, как связанных с господствующим в обществе субъектом, так и отстаивающих насущные социальные интересы групп граждан в отношениях с властью, рассмотрения обоснованности их ожиданий по поводу служения избранных обществом, осуществления данных ими обещаний. В сопоставлении того, какие лозунги провозглашают субъекты политики и что они делают для удовлетворения интересов людей, и состоит одна из задач прессы, изучающей сферу властных отношений.

Средства массовой информации отражают и процесс вытеснения индивидуализмом *коллективизма*, остающегося значимым главным образом в провинции [11]. При этом они упускают из виду, что благоприятные условия для развития гражданина можно создать при диалектическом единстве обеих ценностей, важных для общества и дополняющих друг друга: коллективизм ориентирует общество на определение единых целей и интересов, а индивидуализм — на самостоятельность и раскрытие потенциала личности. Хотя одно из этих предпочтений и утрачивает значимость, его если не подменяет, то дополняет ценность *взаимодействия*, помогающая человеку адап-

тироваться в социальной действительности. Качественная пресса раскрывает возможности самоорганизации граждан, вовлечения их в политическую деятельность, направленную на отстаивание их интересов и прав. Один из примеров — сообщения журналистов о том, как жители Санкт-Петербурга стойко защищают архитектурное наследие, исторический облик города в спорах с инициаторами строительства высотных зданий.

В условиях рыночной экономики ценности индивидуализма и потребления сближаются с *утилитаризмом*, который позволяет рассматривать явления политической сферы с точки зрения их полезности, возможности служить средством для достижения какой-либо цели органом власти или партией, связан с узким практицизмом, исповедуемым группой людей. Возвышенные мотивы действий индивида и его духовные интересы воспринимаются ими как несущественные. Утилитаризм отражается в действиях собственников масс-медиа и многих журналистов не в меньшей степени, чем в поведении участников конкурентных взаимоотношений, складывающихся в сфере распределения власти. Проявлениями этой ценности становятся поддержка прессой политиков, оплачивающих ее услуги, и распространение недостоверных сведений об их оппонентах.

Утилитаризму в политике противостоит ценность *справедливости*. Какие бы ориентиры собственники не определяли для творческих коллективов журналистов, справедливость, восходящая к приобретениям духовной культуры, неизменно почитается лучшими из них независимо от того, где они работают, в государственных или частных масс-медиа. Отражение прессой одного из самых значимых для людей предпочтений тем более важно, что в России предпринимаются попытки пересмотреть отношение к нему. Если К. Поппер рассматривает ценность справедливости как равное распределение обязанностей, равенство всех перед законом, беспристрастность законов и суда, равное распределение преимуществ между гражданами [12, с. 126], то некоторыми политиками предлагается заменить тезис о ней термином «социальная приемлемость» (Г. Явлинский).

Забываясь о распространении ценности справедливости, лучшая часть общественно-политической прессы придает огласке коррупционные взаимодействия и нарушения законодательства, допущенные в избирательных кампаниях, попытки ограничить политическую конкуренцию, анализирует деятельность властных структур в сфере удовлетворения потребностей малоимущих слоев населения и другие проблемы. Выполняют журналисты вместе с оппозицией и функцию социального контроля. Более того, хотя ее реализация возложена обществом и на специализированные институты (прокуратура, суд), сотрудникам масс-медиа приходится подменять их и самостоятельно изучать очевидные нарушения закона, проявляя гражданское мужество. Это не преувеличение. По-настоящему хороший результат журналистской работы требует столько же «духа», что и результат деятельности ученого, но почти никогда не отмечается, что ответственность здесь куда большая и что у честного журналиста чувство ответственности ничуть не ниже, чем у ученого, но выше [13, с. 667–668].

Таким образом, масс-медиа активно участвуют в сложном процессе постижения значения ценностей в политическом пространстве, оказывают существенное воздействие на их формирование и утверждение. С одной стороны, журналисты испытывают

затруднения при определении того, какие из них благоприятствуют развитию общества, а какие препятствуют ему. Пресса может приуменьшить или, напротив, преувеличить сферу распространения ценностей. Одни представлены ею публике как нечто стабильное, устоявшееся, другие — как нечто эфемерное, недолговечное, уместное в рамках конкретной политической кампании, даже тогда, когда отношение общества к ним не сформировано.

С другой стороны, полагая, что газеты служат гарантией свободы, мы приуменьшили бы их значение: они поддерживают существование самой цивилизации, производимое ими зло гораздо меньше того зла, от которого они исцеляют [14, с. 381]. Масс-медиа раскрывают особенности взаимодействия, взаимовлияния ценностей в политике, участвуют не только в постижении их значения, но и в выработке некой ориентации как проекта, версии, гипотезы или идеи, настраивающей общество на осознание новых предпочтений. Они служат лакмусовой бумажкой для журналистов в анализе действий субъектов, наделенных властными полномочиями или претендующих на обладание таковыми.

На глубину осмысления и переосмысления ценностей влияет культура масс-медиа. Значимы знания журналистов о политических процессах, их компетентность, профессионализм в исследовании фактов, раскрывающих закономерности развития общества, явные и скрытые механизмы продвижения индивидов в сфере властных отношений. Интерес прессы к конфликтам ценностей представляется вполне уместным, если он основан на дотошности, объективности, пронизательности исследователей, стремящихся избегать однобокости в оценке явлений политики.

Библиографический список

1. Новейший философский словарь [Текст] / Сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. — 3-е изд., испр. — Мн. : Книжный дом, 2003. — 1280 с.
2. Шилов, В. Н. Гуманизм как политическая ценность / В. Н. Шилов // Научные ведомости. — 2008. — № 5. — С. 151–155.
3. Политология: Словарь по обществознанию [Текст] / под ред. Ю. Ю. Петрунина. — М. : КДУ, 2006. — 512 с.
4. Тугаринов, В. П. Избранные философские труды / В. П. Тугаринов. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. — 344 с.
5. Чудинова, И. М. Социально-политические ценности современного российского общества: проблемы их обновления и усвоения / И. М. Чудинова // Социально-гуманитарные знания. — 2003. — № 5. — С. 3–19.
6. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 416 с.
7. Артемов, Г. П. Политическая социология / Г. П. Артемов. — М. : Логос, 2002. — 280 с.
8. Горшков, М. К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ) / М. К. Горшков. — М. : РОССПЭН, 2000. — 384 с.
9. Тоффлер, О. Метаморфозы власти / О. Тоффлер. — М. : АСТ, 2004. — 672 с.
10. Baudrillard, J. Simulacra and simulation / J. Baudrillard. — Stanford: Stanford University Press, 1988. — 233 p.
11. Рассадина, Т. А. Нравственные ориентации жителей российской провинции / Т. А. Рассадина // Вестник Москов. ун-та. Серия 18. Социология и политология. — 2005. — № 4. — С. 50–64.
12. Поппер, К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1 / К. Поппер. — М. : Феникс ; Междун. фонд «Культурная инициатива», 1992. — 448 с.

13. Вебер, М. Политика как профессия / М. Вебер // Избранные труды. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

14. Токвиль, А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. — М.: Прогресс, 1992. — 554 с.

ЕВДОКИМОВ Владимир Анатольевич, доктор политических наук, доцент (Россия), профессор, заведу-

ющий кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций.

Адрес для переписки: e-mail: evdokimovva@list.ru

Статья поступила в редакцию 22.06.2011 г.

© В. А. Евдокимов

УДК 141.82

В. П. БЕЗБОРОДОВ

Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
г. Омск

ФОРМАЦИОННАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В работе уделяется внимание выяснению понятий: «эпоха», «формация», «цивилизация», «социализм», «глобальная переходная эпоха», «социокультурная концепция цивилизации». В современную глобальную переходную эпоху происходит замена формационной стадии развития постформационной. Экономические отношения собственности из базисных трансформируются в зависимые от культурно-информационных, правовых и властных отношений. На смену времени формационной идентичности приходит время цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: эпоха, формация, цивилизация, социализм, этапы развития России в XX—XXI вв., глобальная переходная эпоха, социокультурная концепция российской цивилизации.

Определение общественно-экономической формации дано К. Марксом в Предисловии к критике политической экономии. Формация, прежде всего, зависит от производительных сил, их технико-технологического уровня. Она включает в себя способ производства, базис, надстройку и другие компоненты социального организма.

Успешно рассмотреть качественную формационную определенность советской и постсоветской России, на мой взгляд, возможно с позиций более широкого исторического и географического контекста. Поэтому сначала следует определиться с понятиями: «эпоха», «историческая эпоха», «всемирно-историческая эпоха», «формация», «цивилизация», «малый формационный цикл в истории», «большой цивилизационный цикл в истории», «глобальная переходная эпоха», «социализм» и др.

В самом общем плане эпоха характеризует тот или иной временной период в соответствии с ведущей для данного времени тенденцией общественного развития. Если взять понятие «эпоха» с минимальными временными рамками, то его можно использовать для обозначения конкретной тенденции, ограниченной несколькими годами или десятилетиями в отдельной стране. Такое явление, на наш взгляд, нельзя назвать исторической эпохой. Понятие «историческая эпоха» используется нами для характеристики ведущих тенденций с более широкими региональными рамками, охватывающими ряд основных стран какого-либо континента и с более длительными временными интервалами (от нескольких десятилетий до нескольких столетий). Например, эпохи Возрождения, Реформации, Просвещения и т.д.

Для обозначения общественных явлений, которые по времени делятся веками, а по пространственному распространению охватывают практически все или большинство ведущих стран, мы используем понятие «всемирно-историческая эпоха». К таким эпохам относятся традиционное аграрное общество (сельская община, рабовладение, феодализм), индустриальное и постиндустриальное общество.

Большой цикл в развитии общества включает в себя всю историю человечества, по терминологии К. Маркса, первичную первобытнообщинную формацию (кровнородственная и сельская община), вторичную экономическую или классово-антагонистическую формацию (рабовладение, феодализм, капитализм) и третичную коммунистическую формацию (социализм и коммунизм). Малый цикл в развитии общества включает в себя только вторичную экономическую классово-антагонистическую формацию (рабовладение, феодализм, капитализм). Вторичная экономическая формация — это формация в полном смысле этого слова, в нее входят все основные структурные компоненты формации (способ производства, базис, надстройка, семья и т.д.).

Если взять низшую фазу первичной формации кровнородственную общину, то она в полном смысле слова формацией не является, поскольку в ней нет главных компонентов формации. Например, в кровнородственной общине с присваивающей экономикой не было отношений собственности, базиса и, соответственно, не было государства надстройки, не было моногамной семьи и т.д. В этом случае правомочно говорить лишь о доформационном этапе развития человечества. Высшая фаза первичной первобытной

формации (сельская община или варварство) является переходной от доформационного к формационному развитию или от дикости к цивилизации.

С большой степенью вероятности можно утверждать, что и высшая фаза третичной коммунистической формации в полном смысле слова формацией быть не может, поскольку в ней будут отсутствовать способ производства, базис, надстройка, семья в традиционном классическом их понимании. Уже сейчас, в постиндустриальном обществе, в условиях современной глобальной переходной эпохи на смену времени формационной идентичности приходит время цивилизационной идентичности. Экономические отношения собственности из базисных трансформируются в зависимые от культурно-информационных, правовых и властных отношений. Классовая идеология уступает ведущее место общенародной идеологии. Определяющая роль общественного бытия постепенно замещается определяющей ролью общественного сознания. В современном крупном производстве базисный характер отношений собственности относителен, поскольку управление производством и распределение прибыли являются нередко самостоятельными сферами деятельности. Так, управление крупными предприятиями, как правило, осуществляется топ менеджерами, а распределение и контроль за расходованием прибыли в странах Европейского союза, согласно Уставу, принятому в 1962 г. странами общего рынка или ЕЭС, осуществляется наблюдательным советом директоров, в котором не менее половины мест занимают рабочие.

Понятие цивилизации имеет более широкие временные рамки по сравнению с понятием формации. Цивилизация включает не только экономическую формацию в целом (античность, феодализм, капитализм), но и переходные фазы (сельскую общину и постиндустриальное общество), то есть включает в себя и глобальные переходные эпохи.

Во всемирной истории человечества существуют всего две глобальные переходные эпохи. Первая переходная эпоха от дикости к цивилизации приводит к появлению государств, философии, науки, мировых религий, самосознания, современного типа личности. Вторая глобальная переходная эпоха разворачивается в XX – XXI вв. Она связана с переходом от формационного этапа развития к постформационному или, другими словами, от индустриального общества модерна к информационному обществу постмодерна.

О существовании двух фундаментальных переходных эпох в истории человечества говорит О. Тоффлер. Он пишет, что «происходящие сегодня события шире, глубже и важнее, чем индустриальная революция. Настоящий момент представляет собой не более и не менее чем второй «великий раскол» в человеческой истории, сравнимый по значимости только с первым расчленением исторической целостности — переходом от варварства к цивилизации» [1]. Аналогичное мнение мы встречаем у К. Ясперса, когда он в своей работе «Смысл и назначение истории» говорит о двух самых глубоких сдвигах в истории человечества, называя эти периоды «осевым временем». Первое осевое время он связывает с VIII – II веком до н. э., а второе — с XX веком [2]. Подобная точка зрения, как мы уже показали, имеет место у К. Маркса.

В отличие от Маркса, Энгельс и Ленин выделяют не три, а пять формаций (первобытное общество, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм), при этом все формации они ставят в один ряд. В та-

ком случае не существует принципиальных различий в механизмах перехода, например, от феодализма к капитализму и от вторичной экономической формации к третичной коммунистической. Не случайно поэтому в советское время наши идеологи считали невозможным рассматривать социализм в качестве самостоятельной переходной эпохи, имеющей свою специфику, качественно отличающую социализм от коммунизма не в меньшей мере, чем отличается социализм от капитализма. Советские идеологи всегда подчеркивали единство социализма и коммунизма.

Различия во взглядах на формационное членение истории между К. Марксом с одной стороны и Ф. Энгельсом, В. И. Лениным — с другой, обуславливают различия между ними в понимании некоторых аспектов капитализма и социализма. Так, по Энгельсу основным противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения. Соответственно, социализм Энгельс и Ленин трактуют как общество, основанное на государственной собственности, плановой системе и административном управлении. У Маркса ни в одном его произведении нет понятия основного противоречия капитализма. У него в «Капитале» есть понятие противоречия выраженного в самой общей форме, которое «состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости...; тогда как с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости» [3]. Социализм Маркс понимает как переходную стадию от классово-антагонистической формации к коммунистической, как общество, основанное на индивидуальной собственности, кооперации, рынке и конкуренции. Так, Маркс писал, что «социализм восстанавливает (не общественную. — В. Б.) индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенного самим трудом средствами производства» [4]. По уничтожению капиталистического способа производства, пишет Маркс, «определение стоимости ... становится важнее, чем когда бы то ни было» [5]. А это возможно только в рыночной экономике.

Различия между классиками марксизма в понимании социализма отчасти обусловлены еще и тем, что Ленин жил и работал в России, которая была аграрной империей, в то время как Маркс последние 25 лет работы над «Капиталом» жил в самой развитой капиталистической стране в мире. В истории мировой цивилизации XIX век был веком Англии. Когда в России только провозгласили отмену крепостного права, в Лондоне в 1861 г. открыли метро. Автор разделяет мнение Э. Фромма, что «Ирония истории состоит в том, что, несмотря на доступность источников, в современном мире нет предела для искажений и неверных толкований различных теорий. Самым ярким примером этого рода является то, что сделано в последние десятилетия с учением К. Маркса. Социалистический рай Маркса преподносился нам как общество, в котором миллионы людей подчинены всемогущей государственной бюрократии, как общество людей, которые отдали свою свободу в обмен на равенство, это люди, которые удовлетворены в материальном смысле, но утратили свою индивидуальность и превратились в миллионы роботоподобных автоматов» [6].

Систему типа советского коммунизма К. Маркс назвал «грубым уравнильным коммунизмом». Он беспощадно критикует уравнильный социализм, основанный на государственной собственности. Такой социализм «стремится противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность... Этот социализм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности... Для него общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом» [7].

В действительности для Маркса личность при социализме обладает большей свободой, чем при капитализме. А свободной, говорит Маркс, личность может быть только тогда, когда она материально и социальное не зависит ни от другой личности, ни от государства. «Какое-нибудь существо, — пишет Маркс, — является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда оно стоит на своих собственных ногах, а на своих собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно обязано своим существованием самому себе. Человек, живущий милостью другого, считает себя зависимым существом» [7, с. 125].

Основная причина строительства в России примитивного, грубого, уравнильного социализма заключается в том, что до 1917 года Россия оставалась в основном аграрной империей. Попытки реформирования села на началах частной собственности на землю, предпринятые Николаем I в XIX веке, П. А. Столыпиным и Временным правительством в начале XX века, особого успеха не имели. Об этом свидетельствует тот факт, что около 80 % делегатов первого крестьянского съезда в мае 1917 года выступили против частной собственности на землю и проголосовали за сохранение и расширение общинного землевладения.

В феврале 1917 г. в России началась буржуазно-демократическая революция, поддержанная различными социальными группами. Но, поскольку необходимые для закрепления революции социально-экономические преобразования в стране не были проведены, революция, по сути, не состоялась. В результате в ноябре 1917 г. Советы захватили власть, осуществив политический переворот, который в кратчайшее время в декабре был подкреплен соответствующими социально-экономическими и политическими декретами большевиков. Таким образом, политический переворот перерос в большевистскую революцию. Однако страна была аграрной, где основная часть населения — крестьяне, которые мыслят уравнильными категориями. Это обусловлено тем, что все они выполняют практически равную по квалификации работу: пашут, сеют и убирают урожай. В итоге большевики, захватившие власть, смогли построить только грубый, уравнильный социализм (терминология К. Маркса), который к тому же был отягощен тоталитарным сталинским режимом. Однако примитивный, уравнильный социализм, благодаря сохранению социокультурных характеристик нации и соединения их с идеей коммунизма, позволил обеспечить до второй половины 1950-х гг. высокие темпы развития за счет неслыханного энтузиазма народа [8]. Об этом свидетельствуют результаты индустриализации страны, достигнутые к концу 1950-х — началу 1960-х гг.

Индустриализации способствовало задействование тех же самых методов и резервов управления страной, которые применял Петр I во время своего правления. По утверждению Е. С. Кульпина, Петр I

использовал такие формы и резервы управления, как а) ограничение прав народа на свободный выбор индивидуумом своей судьбы; б) принуждение к знаниям и технологической дисциплине, как дисциплине военной; в) солидарность общества с государством; г) патерналистский и меритократический характер власти; д) принуждение дворянства к несению бремени главной и коллективной ответственности за преобразования; е) недопущение приватизации прав государства одной социальной группой общества; ж) эффективная система циркуляции правящей элиты [9].

Однако надо иметь в виду, что к 1960-м гг. мы полностью и окончательно исчерпали возможности развития уравнильного социализма. Стала резко падать эффективность производства. Падение эффективности производства объясняется сохранением уравнильных методов управления аграрным обществом в индустриальном. В индустриальном обществе в отличие от аграрного общества рабочие имеют качественно разную квалификацию — 1, 2, 3, ... 6 разряды. При этом даже сто рабочих 3–4 разрядов не могут выполнить работу одного рабочего 6-го разряда, а зарплата между ними принципиально не различалась. В результате начиная с 1960-х гг. пропал стимул в повышении квалификации и росте производительности труда. Для выправления ситуации были приняты постановления правительства СССР и Пленума ЦК КПСС о переходе всех предприятий на полный хозяйственный расчет. Однако реформа провалилась, поскольку для ее реализации необходимо было провести приватизацию, перейти на рыночную экономику и конкуренцию. Этого не произошло из-за страха политической элиты потерять власть. У нас не нашлось своего Ден Яопина благодаря которому Китай имеет самые высокие в мире темпы развития производства за последние 30 лет в результате перевода экономики на рыночные отношения.

Несмотря на впечатляющие темпы развития Китая, наша страна не может развиваться по китайскому пути, во-первых, потому что является евразийской. Во-вторых, связи с западной цивилизацией: экономические, социальные, культурные у нас гораздо шире, чем с восточной цивилизацией. В-третьих, уровень экономического, социального и политического развития у нас пока еще существенно выше, чем в Китае.

В XX — XXI вв. можно выделить три формы реального социализма: 1. Уравнильный, грубый, примитивный социализм в аграрных странах (СССР, Китай до конца 1970-х гг., Северная Корея и т.д.); 2. Демократический социализм европейского типа, опирающийся на постиндустриальную экономику (Швеция, Норвегия, Финляндия); 3. Промежуточный рыночный социализм переходный от уравнильного к демократическому социализму (Китай, Вьетнам, Монголия).

Мы не смогли в 1960–1980-е гг., в отличие от Китая, положительно преодолеть этап грубого примитивного уравнильного социализма. Страна в экономическом плане покатила вниз. В культурном плане стала разрушаться идеология уравнильного коммунизма, но, что еще хуже, стали размываться базовые характеристики нации. Советская идеология потерпела крах, и СССР развалился. Таким образом, в России советской эпохи уравнильного социализма следует выделить два этапа. Первый, с 1917–1960 гг., — этап индустриализации. Второй, с 1960–1990 гг., — этап резкого падения

эффективности производства, скольжения в пропасть.

С 1991 г. начинается постсоветская эпоха в истории России, в которой можно выделить также два периода. Первый период с 1991 — 2000 год. В формационном плане этот период можно назвать этапом «дикого капитализма». При переходе на рыночную экономику было допущено много ошибок, несмотря на успехи в развитии демократии и свободы. Несправедливая приватизация, залоговые аукционы, гипертрофия индивидуализма привели к резкому социальному расслоению, обнищанию масс, маргинализации значительной части населения, падению производства, сокращению продолжительности жизни, разгулу преступности, наркомании, утрате духовных ориентиров, чувств патриотизма и национальной гордости, к расколу общества.

Второй период — с 2000 г. по настоящее время. Этот период можно назвать этапом относительной стабилизации, а точнее, неустойчивого равновесия. Задача сейчас заключается в том, чтобы от этапа неустойчивого равновесия перейти к этапу интенсивного развития. Если мы не решим в ближайшие годы этой задачи, то страна вновь покатится в пропасть и распадется на части. Для решения данной задачи необходимо, в частности, выработать оптимальную для нашего общества шкалу приоритетных ценностных ориентиров, в которой соединение традиционных российских коммунитаристских и западных рыночных ценностей осуществлялось бы при сохранении приоритета национальной духовной культуры. Это подтверждается не только успешным опытом развития ряда стран восточной цивилизации (Сингапура, Малайзии, Южной Кореи, Японии и Китая), но и опытом развития западной цивилизации, Европы и Северной Америки.

До сих пор цивилизационная идентичность российского общества неопределенна. Наше общество включает противоположные социокультурные ориентиры и установки без выделения приоритетов (например, индивидуализм и коммунитаризм и т.д.). Они находятся в одной плоскости, поэтому противоречат и «не работают» на развитие. У нас нет понятной для большинства общества социокультурной концепции российской цивилизации. Без четкой и ясной социокультурной концепции мы не можем конкретно бороться с сепаратизмом, экстремизмом, терроризмом, с коррупцией, активно противостоять

в современной сетевой войне, провести модернизацию, преодолеть раскол в обществе, мобилизовать людей на решение стоящих перед страной задач. При решении вышеперечисленных задач необходимо учитывать особенности современной глобальной переходной эпохи. А именно, в современную эпоху происходит замена формационного развития на постформационное, экономические отношения собственности из базисных трансформируются в зависимые от культурно-информационных, правовых и властных отношений. На смену времени формационной идентичности приходит время цивилизационной идентичности. Разработке российской цивилизационной концепции и будет посвящена наша следующая статья, в которой мы конкретно рассматриваем социокультурные основы российского общества.

Библиографический список

1. Тоффлер, А. Футурошок / А. Тоффлер. — СПб. : Лань, 1997. — С. 13.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М. : Политиздат, 1991. — 527 с.
3. Маркс, К. Капитал. В 3 т. Т. 3 / К. Маркс. — М. : Политиздат, 1975. — С. 273.
4. Маркс, К. Капитал. В 3 т. Т. 1 / К. Маркс. — М. : Политиздат, 1973. — С. 773.
5. Маркс, К. Капитал. В 3 т. Т. 3 / К. Маркс. — М. : Политиздат, 1975. — С. 927.
6. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. — М. : Республика, 1992. — С. 376—377.
7. Маркс, К. Сочинения. В 50 т. Т. 42 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Политиздат, 1978. — С. 114—115.
8. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. — С. 16.
9. Кульпин, Э. С. Альтернативы российской модернизации, или Реставрация Мэйдзи по-русски / Э. С. Кульпин // ПОЛИС. — 2009. — № 5. — С. 15—169.

БЕЗБОРОДОВ Виктор Петрович, кандидат философских наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Отечественная история и политология».

Адрес для переписки: e-mail: bezborodov_vp@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.11.2010 г.

© В. П. Безбородов

Книжная полка

Соколов, В. В. Философская доктрина Томаса Гоббса: Бытие, познание, человек и общество / В. В. Соколов. — М. : Изд. АКИ УРСС, 2010. — 72 с. — ISBN 978-5-382-01032-8.

В настоящей книге дается краткий очерк жизни и анализ научных воззрений английского философа Томаса Гоббса (1588-1679), имя которого занимает почетное место не только в ряду великих философских имен его эпохи — эпохи Бэкона, Декарта, Гассенди, Паскаля, Спинозы, Локка, Лейбница, но и в мировом историко-философском процессе. В книге описывается предмет философии в произведениях Гоббса, его методология и гносеология, материалистическая онтология и физика, механистическая антропология и ее трудности и т. д. Рассматривается учение Гоббса об обществе и государстве, обрисовывается проблема культуры и проблема религии в его работах. В заключение дается краткая характеристика учения Гоббса в истории философии. Идеи великого философа неоднократно становились предметом пристального внимания, и интерес к ним не ослабевает и спустя четыре века после его рождения. Рекомендуется философам, историкам науки, студентам и аспирантам философских факультетов, а также всем, кто интересуется философией мыслителей прошлого.

ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО ОПЫТА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

В данной статье обобщаются и систематизируются представления о специфике философствования субъекта в возрасте до 18 лет.

Ключевые слова: ранний опыт философствования (РОФ), детское философствование, рефлексия, осознанное мышление, критическое мышление.

Этапы выделяются по признаку взаимосвязи с изучением наиболее значимых научных проблем. Первый этап (до сер. 50-х гг. 20 в.) включает немногочисленные, отдельные, разрозненные исследования, в которых осмысление РОФ как особой проблемы носит имплицитный характер применительно к множеству иных научных вопросов. В Австрии, к примеру, официальное обучение философии происходило не только в университетах. В конце 19 в. философию уже преподавали молодым людям (16 – 18 лет) в старших классах общеобразовательных школ. Такие философы, как Йохан Фридрих Герbart (1776 – 1841) и Бернхард Больцано (1781 – 1848) серьезно повлияли на преподавание философии в школах Австрии. Интересно отметить, что преподавание философии было запрещено в Австрии в 1933 – 1945 гг. С 1945 г. предмет «Философия» вошел в школьную программу общеобразовательных средних школ и преподавался в старших классах. Детей учили рефлексировать, а это явный признак взросления.

Второй этап (Г. Мэттьюз, Н. В. Французова, Е. В. Васильева, С. И. Левикова, Ж. Пиаже, М. Липман, О. Бренифиер, С. Бардик-Шеферд, Н. С. Юлина) — сер. 50-х — сер. 80-х гг. 20 в. — в отличие от первого, демонстрирует связь изучения РОФ с исследованиями развития интеллекта и творческих способностей. В основе философского знания всегда лежит общее, целостное представление о мире. Подобная целостность характерна и для детской картины действительности. Отсюда и корни «детского философствования» (термин Г. Мэттьюза). Одним из первых проложил здесь тропинки известный швейцарский психолог Жан Пиаже. В 1929 г. он опубликовал книгу «Детская концепция мира» (Piaget J. The child's conception of the world), где рассматривает различные методы выявления содержания представлений ребенка об окружающем его мире. Пиаже говорит об интеллектуальной эгоцентричности детей — в раннем возрасте они не озабочены тем, чтобы передать целостную мысль (а часто и не в состоянии это сделать). В обществе других детей их рассуждения ассоциируются с непосредственной активностью или игрой, что не проясняет существенные фрагменты мысли, не связанные с этой деятельностью. Можно ли рассуждения ребенка по всем этим вопросам

относить к сфере детского философствования? Если рассматривать философию как наиболее общее и целостное представление о мире и о месте в нем человека, то все проблемы, вычлененные Пиаже, имеют к ней определенное отношение.¹ Работу Жана Пиаже оценил английский ученый Г. Мэттьюз в книге «Философия и ребенок». Мэттьюз считает, что первый великий психолог, исследовавший умственное развитие ребенка, «не чувствителен к детскому философствованию», что для его исследования необходимо расширять проблемное поле, в частности, включить анализ сказок, фантастических произведений. Детское философствование будет иметь непреходящее значение для общего психического развития ребенка. Целостное представление о мире дает и рефлексивная модель образования, которая рассматривает образование как исследование (прежде всего самого себя), и она успешно реализуется в программе «Философия для детей», разработанной под руководством М. Липмана. Одна из целей программы — возможность поддержать и развить те социальные импульсы, которые дети привносят в школу и которые, к сожалению, в основе своей подавляются. В рамках данного этапа следует также отметить исследования Д. Гилфорда и П. Торренса, связанные с изучением креативности и выявлением ее критериев. В частности, Д. Гилфорд определяет креативность как способность порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации. П. Торренс, определяя креативность как чувствительность к проблемам, дефициту знаний, дисгармонии различных элементов, определение проблем и выдвижение их решений, выделял такие критерии креативности как беглость (идейная продуктивность), гибкость (идейное разнообразие), оригинальность и разработанность идей. Исследования Д. Гилфорда и П. Торренса связаны, прежде всего, с решением проблем, поставленных производственной практикой, а именно определение творческих способностей инженеров (Гилфорд) и методов стимулирования творчества учащихся в системе образования (Торренс). Тем не менее они, наряду с исследованиями Ж. Пиаже, Г. Мэттьюза и М. Липмана, безусловно, затрагивают основы духовной деятельности детей, направленной

на решение фундаментальных мировоззренческих вопросов и создание целостной репрезентации реальности в ее универсальных свойствах.

Характеризуя третий этап (Э.М. Шарп, Г. Галикян, Е. В. Золотухина-Аболина, М. Р. Демин, Г. Ноль, Л. Нельсон, И. А. Кудрова, М. Н. Дудина, Кэчжань Дин) — сер. 80-х — к. 90-х гг. 20 в. — нужно заметить, что он обнаруживает взаимосвязь исследований РОФ с актуальностью различных социальных проектов, где данный феномен выступает как средство гармонизации отношений в обществе, противодействия негативным воздействиям на общество и человека вследствие падения «железного занавеса», социализма, биполярного противостояния международных блоков и начавшихся бурных миграционных процессов. Научные работы, опубликованные в 80-х и 90-х гг., говорят о следующем: обучение морали, нравственности стоит на первом месте, а осознанность как аспект этого обучения не упоминается [1]. В своей статье «Проблема социализации школьников» Г. Галикян рассуждает о том, что философия — область гуманитарного знания, вводящая школьников в область ценностного отношения к действительности; ее значение не только в том, что она знакомит учащихся с разработками в области социальной или моральной философии. Главное, на наш взгляд, состоит в том, что социальные импульсы, уже наличествующие у школьников, находят оформление и обрамление именно через философию, то есть с учетом ценностного подхода. О философии для школьников говорит и М. Н. Дудина, делая акцент на том, что философия способствует выработке нравственных норм внутренними душевными порывами. Успех программы философии в школе обеспечивается, прежде всего, ее этико-педагогической сущностью. Уместно будет отметить, согласившись с Энн Маргарет Шарп, важность осознанного мышления. Осознанность соотносится с чувствами учащихся и их мышлением; это качество помогает им сохранять свои ценности и дорожить ими, а также не бояться расстаться с тем, что мешает развитию их личности в общем контексте ситуации в мире. Осознанное мышление предполагает совершенствование многих навыков интерпретации, необходимых для понимания иных культур и усвоения новых значений слов; оно базируется на общении, интерпретации, эмпатии, сострадании, понимании и диалоге. Осознанное мышление направлено на создание таких альтернатив насилию, как взвешенный и вдумчивый подход к отношениям, дискуссия, понимание и постановка вопросов.

Наиболее сложным и богатым по содержанию является четвертый этап (А. Херригер, Т. Вартенберг, В. Сломский, Л. Т. Ретюнских) — к. 90-х гг. 20 в. по наст. время — который связывает проблему РОФ с вхождением в мультикультурное пространство, глобальную культуру и адаптацией к ней и, как следствие, с развитием толерантности, нравственным воспитанием, формированием различных компетенций. В конце января 2005 г. прошла Международная научно-практическая конференция «Философия — детям». Она продемонстрировала активный интерес ученых и педагогов к проблемам детского философствования, методикам и принципам преподавания философии детям [2]. Глубокая трансформация всех сфер российской действительности в последние 10–15 лет коснулась и образования. Л. Т. Ретюнских замечает, что именно в этих условиях стал возможным расширенный разговор о философии с детьми [3]. Философская установка на поиск, а не на конста-

тацию истины, делает ее более эффективным механизмом образования — воспитания культуры мышления. О философии как о воспитании для будущего пишет и Войцех Сломский. Философия, пробуждая в людях способность критического мышления и превращая эту способность в прочный навык, как ни одна другая из дисциплин дает в руки обществ эффективное оружие против таких угроз современной демократии, как пропаганда, реклама или различные идеологии. Философия в состоянии сформировать в человеке умения самостоятельной формулировки суждений и самостоятельной оценки. Программу «Философия — детям» реализует Т. Е. Вартенберг — профессор философского факультета Mount Holyoke College, Южный Хэдди, штат Массачусетс, США. Самой важной частью занятий со студентами является практика, под которой он понимает два часа, в течение которых ведутся философские беседы друг с другом. Этот эксперимент помог понять, что делает книгу пригодной для философской дискуссии. Вартенберг обнаружил, что дидактические книги для этого непригодны, поскольку там даются «голые» рецепты, как следует поступать: за ребенком остается лишь право следовать этому рецепту или нет. Если же в книге не дается готовый рецепт, то книга пригодна для философской дискуссии.

Подходы же мы выделяем по следующей совокупности критериев: основания, источники, предпосылки, специфика и значение раннего опыта философствования, способы их рассмотрения, собственные философские и научные позиции авторов. Таким образом, выделяются пять подходов: классически-рационалистический, коммуникативно-диалогический, экзистенциально-интуитивистский, культурно-антропологический и психолого-педагогический.

Классически-рационалистический (Ж. Пиаже, М. Липман, О. Бренифиер, С. Бардик-Шеферд, Н. С. Юлина) рассматривает РОФ в развитии мышления, его навыков, приемов и средств. Очень часто под началами философствования понимается, прежде всего, философская пропедевтика. Именно ею закладывается философское отношение человека к миру. Общему пониманию такого философствования отвечают исследования американского профессора М. Липмана («Философия для детей») и его единомышленников.² Философия у него выступает связующим звеном между субъектом и формальной структурой человеческого познания, она является идеальной для развития критического мышления. Существует три аспекта осознанности, на которых базируется философия для детей в период после 2003 г. (этот период выделяет Стефани Бардик-Шеферд, Монтеклер, Нью Джерси, США, в своей статье «Как воспитать неравнодушие: исторический анализ концепции «сознательного мышления» в философии для детей»). Во-первых, это неравнодушие в общепринятом смысле слова: любовь и уважение по отношению к другим, желание помочь им совершенствоваться или же непосредственное участие в этом процессе. Во-вторых, это создание ценностных принципов: формирование собственных убеждений человека, основанное на длительных размышлениях над какой-либо идеей, и принятие соответствующих решений. В-третьих, это внимание к мыслям, предполагающее серьезное отношение к принимаемым решениям. В свою очередь, Оскар Бренифиер (ректор Института практической философии, доктор философии, Сорбонна, Франция) обращает внимание на существование двух аспектов философии: отношения способности к существованию и к компетенции, то есть способ-

ности к мышлению [4]. Таким образом, можно резюмировать, что главной силой мыслительного процесса является осознанность. И, как следствие, необходимо формирование критического мышления, чуждого догматическому.

Роль РОФ в формировании отношения субъекта к миру и к себе определяет экзистенциально-интуитивистский подход (Г. Мэттьюз, Н. В. Французова, Е. В. Васильева, С.И. Левикова, В.Н. Леонтьева). В своей статье «О природе детского философствования» Н. В. Французова задает вопрос: когда же человек начинает философствовать? Вслед за Гегелем она полагает, что человек, поскольку он мыслит, уже философ. Здесь как раз уместно было бы подумать: а что же Гегель считал мышлением [5]? Если учесть, что мышление — это движение понятий, снятие одними определениями других, то вряд ли этот процесс характерен для человека с рождения. По мнению Н. В. Французовой, в основе философского знания всегда лежит общее, целостное представление о мире. Подобная целостность характерна и для детской картины действительности. Отсюда и корни «детского философствования». В связи с этим английский ученый Г. Мэттьюз³ полагает, что детское философствование имеет фундаментальное значение для развития психики. Продолжая говорить о значении детского философствования для развития психики, необходимо упомянуть о работе Е. В. Васильевой «Онтологическая специфика детской философской рефлексии». В ней отмечается, что экзистенциальный взгляд изнутри как нельзя более полно отражает детское переживание себя в череде «здесь и сейчас». С точки зрения Е. В. Васильевой, философствование ребенка носит стихийный характер и связано со становлением его мировоззрения. Идея о сути философствования как раздвигания мировоззренческих горизонтов принадлежит В. Н. Леонтьевой. Философ «расширяет» границы человеческого в плане самопознания, содержательного самоопределения. Эмоциональная открытость ребенка — залог искренности и подлинной индивидуальности его «философствования».

Что же является источниками мысли? Очевидно, прошлый опыт и прежнее знание. Культурно-антропологический подход (Э. М. Шарп, Г. Галикян, Д. А. Гусев, Е. В. Золотухина-Аболина, Кэчжань Дин) рассматривает РОФ как средство и способ реализации природы человека, рационализации ее импульсов (религиозно-мифологических представлений), элемент культуры как способа бытия человека. Если перед ребенком (или взрослым) даже и стоит проблема, но у него нет прежнего опыта, заключающего подобные же условия, то требовать, чтобы он думал, бесполезно. По мнению Д. А. Гусева наличие философской культуры является одним из важных составляющих образованности. В русле данного подхода пишет и Энн Маргарет Шарп (Монтеклер, Нью Джерси, США), когда соотносит осознанность с чувствами учащихся и их мышлением; это качество помогает им сохранять свои ценности и дорожить ими, а также не бояться расстаться с тем, что мешает развитию их личности в общем контексте ситуации в мире [6]. Философия — область гуманитарного знания, вводящая школьников в область ценностного отношения к действительности — об этом, в своей статье «Проблема социализации школьников и философия», пишет Г. Галикян. Главное состоит в том, что социальные импульсы, уже наличествующие у школьников, находят оформление и обрамление именно через философию, но есть с учетом ценностного

подхода. Школа дает уникальную возможность понять и оценить выработанную позицию на основе заинтересованной и честной критики позиций, занятых другими.⁴ Полностью в рамках данного подхода можно описать философию в школах Китая. Кэчжань Дин обращает наше внимание на то, что занятия философией начинаются в средней школе 1-й ступени (с 7-го класса). Классические философские тексты разбираются как часть раздела «литературные памятники». Министерством образования КНР уделяется большое внимание методическому совершенствованию преподавания философии в школе. О необходимости включения в «философскую пропедевтику» наследие другой традиции затрагивает в своих работах и Е. В. Золотухина-Аболина. По ее мнению, с чем трудно не согласиться, необходим акцент не только на мыслительных, но и ценностно-ориентационных навыках. Поэтому философии при обращении к детям не стоит избегать мировоззренческих вопросов, а следует показывать богатство способов их решения.

Психолого-педагогический подход рассматривает РОФ в социализации индивида, как вспомогательный компонент учебно-воспитательного процесса, средство развития знаний, умений и навыков, опыта деятельности и отношения к миру (И. А. Кудрова, М. Н. Дудина, М. Р. Демин, Л. Нельсон, Г. Ноль, М. В. Телегин, Я. Турбовской, В. С. Шубинский). Философствование в школьном возрасте — это возможность выработки навыков рефлексии над собственным опытом [7]. Я. Турбовской одним из первых ученых-теоретиков поставил проблему самобытности философии в пространстве образования и воспитания. Это — другая философия, способная внести качественно новое в педагогическую идеологию. Многие годы Я. Турбовской и его коллеги разрабатывали актуальнейшую для школы психолого-философскую методологию диагностирования массового педагогического опыта, ядром которого являлось обучение школьного учителя самодиагностированию, т.е. преодолению момента незнания. На эту же тему рассуждает В. С. Шубинский в своей статье «Философское образование в средней школе» говоря о том, что начавшееся преобразование человека и жизни должно опираться на современную философскую картину мира и ее освоение подрастающим поколением [8]. И.А. Кудрова в своей статье «О развитии мышления на основе исследовательского подхода» предлагает базовую схему педагогической технологии, структура которой формируется тремя этапами. Прежде всего, это этап развития чувствительности к проблематичному, который включает в себя пробуждение интереса к познавательной деятельности, создание доверительной среды, выдвижение учащимися собственных идей, актуализацию имеющихся знаний. Следующий этап интеллектуализации ситуации, предполагает осмысление контекста проблемы. На этом этапе учащиеся осваивают навыки критического мышления. На третьем этапе совместного рефлексивного анализа в результате обсуждения происходит прояснение и расширение смысла понятий. Сегодня необходимо критическое мышление — направленное мышление, процесс, ориентированный на решение проблемы, который требует особых навыков: способности анализировать, делать выводы, интерпретировать, оценивать и др. Приучать детей к критическому мышлению нужно с самого начала обучения, с первого же класса следует работать с детьми над выработкой умения выделять из потока информации главное, осмыслить

это главное и проявить желание глубже проникнуть в его суть [9]. За философию в школе выступает также и М. Р. Демин. Он делает акцент на том, что философия более других дисциплин требует оригинального метода преподавания. Урок по философии должен походить на игровое поле, на котором разворачивается нелинейная ситуация открытого диалога, прямой и обратной связи. Школьники, подобно ученикам Сократа, не получают готовых ответов, а ведомые вопросами, в поисках ответов, самостоятельно обретают знания. Задача педагога — создать для учащихся установку думать, размышлять критически. Этап осмысления контекста проблемы. В случае успешной работы на начальном этапе у ученика возникает мощный стимул для работы на следующем этапе — этапе осмысления контекста проблемной ситуации с целью развития и обоснования интуитивно выдвинутых идей.

Нельзя не заметить, что философское мышление несет педагогическое начало, поскольку оно является мышлением диалогическим. В связи с этим можно выделить еще один подход: коммуникативно-диалогический (А. Херригер, Т. Вартенберг, В. Сломский, Л. Т. Ретюнских), рассматривающий РОФ в развитии навыков общения и дискуссии. В этот подход укладываются следующие идеи Войцеха Сломского, связанные с воспитанием: истину можно искать в диалоге и через диалог истину открывать, даже если это диалог с собой, основанный на критической оценке собственных суждений. Конечно, эта констанция отнюдь не означает, что из сути философского мышления вытекает возможность обучения философии в том смысле, в каком понимается обучение математике или химии, но, может быть, из этого вытекает возможность воспитания философией. Философия формирует в человеке умения самостоятельной формулировки суждений и самостоятельной оценки, за которые приходится нести самостоятельную ответственность. О значимости философии пишет Н. С. Юлина. Она делает акцент на полезности философии в школьном образовании и на способности этой дисциплины улучшать качество мышления. Философия выступает как инструмент для обучения искусству разумного мышления. В русле данного подхода мыслит и Александр Херригер (Квебек, Канада). Он представляет свою программу «Предотвращение насилия и философия для детей». Херригер считает, и с ним вполне можно согласиться, что использование диалога в школе представляет собой важный шаг на пути достижения поставленных целей [10]. Херригер обращает внимание на то, что данный подход стимулирует развитие критического мышления. Критичность позволяет человеку быть более разумным, а следовательно, и менее агрессивным, а также может выступать в роли действенного оружия, помогающего детям защититься от манипуляций и демагогии. Осознанное мышление ориентированно на солидарность, сохранение ценностей и поддержание взаимоотношений между людьми; благодаря осознанности ребенок учится относиться к другим как к самому себе, видеть свое эго в свете взглядов окружающих, их интересов и их проблем.

Таким образом, выделив этапы и подходы изучения РОФ, заметим, что практически на каждом этапе прослеживаются те или иные направления. Второй этап (сер. 50-х — сер. 80-х гг. 20 в.): классически-рационалистический, экзистенциально-интуитивистский. Третий этап (сер. 80-х — к. 90-х гг. 20 в.): культурно-антропологический, психолого-педагогический. Четвертый (к. 90-х гг. 20 в. по наст. время):

коммуникативно-диалогический. На первом же этапе (до сер. 50-х гг. 20 в.) как таковые направления в изучении раннего опыта философствования не выделяются.

Наш подход мы условно обозначим как «**интроспективный**», то есть рассматривающий ранний опыт философствования изнутри. В основу нашего подхода легла концепция, суть которой заключается в следующих положениях: ранний опыт философствования (РОФ) представляет собой некую «духовную сыворотку», не эксплицируемые до определенного момента смыслы-содержания внутреннего мира субъекта. Такой опыт сосредотачивает в себе наиболее важные тенденциозные «программные» моменты человеческой жизни и, соответственно, каналы, способы и намерения их осуществления.

РОФ — это философствование на возрастной дистанции от 0 до 17–18 лет, то есть до тех пор, когда ребенок становится, во-первых, совершеннолетним и полностью дееспособным, во-вторых, начинает получать профессиональное образование различного уровня, в-третьих, сталкивается с профессиональной философией в образовательных программах

Существенными признаками РОФ являются: непрофессиональность, синкретичность и практичность. Непрофессиональность проявляется в слабой выраженности традиции, синкретичность — в соединении философствования с различными отраслями и видами знания, практичность — в непосредственной связи со строительством внутреннего мира субъекта.

Субъект от 0 до 18 лет проходит следующие стадии становления: тотальность, событийность, автономность, открытость. Специфика РОФ определяется связью с решением определенной метафизической проблемы и созданием семиотического пространства на соответствующем этапе становления субъекта. Под метафизической проблемой понимается: главный, принципиальный для человека вопрос, определяющий его бытие и бытие «для него» (принятие предметов, принятие других, принятие себя, принятие свободы). Под семиотическим пространством понимается совокупность объектов, возникающих и существующих в системе знак-символ-смысл-действие: чистые освобожденные смыслы; отношения, связи, детерминации; индивидуальность; ценности, нормы, образцы, субъективность.

Примечания

¹ Кстати, сам Пиаже говорит не о философствовании, а лишь о детской концепции мира, которая может быть шире или уже философствования.

² Э. М. Шарп, Ф. Осканян, Г. Мэттьюз, Р. Рид, М. Причард и др.

³ Г. Мэттьюз — английский ученый. Автор термина «детское философствование», полагающий, что именно детское философствование имеет фундаментальное значение для развития психики.

⁴ Галикян, Г. Э. Философия как необходимая компонента становления индивидуальности / Г. Э. Галикян // Философия детям. Человек среди людей : материалы Второй Межд. науч.-пр. конф. — М., 2006. — 28.

Библиографический список

1. Кудрова, И. А. Методологическая роль философии в структурировании знаний учащихся / И. А. Кудрова // Фило-

софия — Детям. Человек среди людей : матер. Второй Межд. науч.-пр. конф. — 2006. — С. 202–204.

2. Борисов, С. В. Феномен детского философствования и перспективы образования / С. В. Борисов // *Alma mater*. — М., 2005. — № 7. — С. 27–34.

3. Ретюнский, Л. Т. Нужна ли философия детям? / Л. Т. Ретюнский // *Личность. Культура. Общество*. — 2005. — Т. 7. — № 1. — С. 369–374.

4. Бренифиер, О. Преподавание философии / О. Бренифиер // *Философия — детям : матер. Первой Межд. науч.-пр. конф.* — М., 2005. — С. 53–55.

5. Мильчарек, Т. П. Субъект и личность / Т. П. Мильчарек // *Альфа : межвуз. сб. науч. ст. Вып. 3 / Отв. ред. В. М. Шкарупа*. — Омск, 2007. — С. 54–58.

6. Юлина, Н. С. Философия как инструмент наработки базовых навыков мышления / Н. С. Юлина // *Философия — детям. Человек среди людей : матер. Второй Межд. науч.-пр. конф.* — М., 2006. — С. 134.

7. Аверьянов, Ю. И. Курс «Введение в философию» в выпускном классе 12-летней школы / Ю. И. Аверьянов // *История и обществознание в школе*. — М., 2001. — № 2. — С. 36–45.

8. Шубинский, В. С. Философское образование в средней школе: Диалектико-материалистический подход / В. С. Шубинский. — М., 1991. — С. 25–28.

9. Дин, Кэчжань. Философия в школах Китая: воспитание и образование / Кэчжань Дин // *Философские науки*. — 2005. — № 12. — С. 109–111.

10. Лукина, Л. Воспитываем мудрецов! / Л. Лукина // *Дошкольное воспитание*. — 2003. — № 11. — С. 42–49.

МИЛЬЧАРЕК Тадэуш Петрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии.

Адрес для переписки: e-mail: milcharek@mail.ru

МИЛЬЧАРЕК Наталья Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии.

Адрес для переписки: e-mail: n_a_milcharek@mail.ru

ЦАЦУЛЬНИКОВА Любовь Вячеславовна, аспирантка кафедры философии.

Адрес для переписки: e-mail: lubsypupsy@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.11.2010 г.

© Т. П. Мильчарек, Н. А. Мильчарек, Л. В. Цацульникова

УДК 001:141

А. В. ГОРИНА

Омский государственный
педагогический университет

НАУЧНАЯ И ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗЫ: ТОЖДЕСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Статья посвящена проблеме экспертизы и ее типологии. Особым типом экспертизы впервые представлена философско-антропологическая экспертиза, выделена ее объектная и субъектная специфика. Обосновано постепенное приобретение научной экспертизой наиболее существенных характеристик, свойственных философско-антропологической экспертизе.

Ключевые слова: экспертиза, типология экспертизы, научная экспертиза, философско-антропологическая экспертиза, эксперт.

Под «экспертизой» (франц. *expertise*, от лат. *expertus* — опытный) чаще всего понимается исследование специалистом каких-либо вопросов, требующих наличия у эксперта специальных познаний в области науки, техники, искусства и т. д. Сегодня известны и востребованы самые различные виды экспертиз: врачебно-трудовая, судебно-медицинская, проектно-строительная и др. В науке проблеме экспертизы посвящено немало исследований (см., например, работы Г. Л. Тульчинского, Д. А. Леонтьева, Г. В. Иванченко, А. А. Ашкерова, И. И. Ашмарина, Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко, В. А. Лукова и др.). В своих работах ученые, как правило, описывают существенные черты какого-либо одного вида экспертизы. Исследований, в которых проводится сравнительный анализ тех или иных видов экспертиз, — существенно меньше. В данной статье предполагается выявить тождественное и различное в научной и философско-антропологической экспертизах, основываясь на разработанную нами типологию экспертизы.

Типологизировать экспертизы можно по-разному. Большинство современных экспертиз (судебно-меди-

цинская, экологическая, правовая и др.) можно было бы типологизировать на основании того, в какой области социокультурной деятельности экспертиза преимущественно проводится.

В основании выделяемых экспертиз могут быть положены те базовые методы, к которым чаще всего обращаются эксперты. Научные методы могут использоваться экспертами, а могут и не использоваться, соответственно, можно выделить научные и ненаучные экспертизы. К научному типу экспертизы мы относим все известные экспертизы, где используются научные методы: это судебно-медицинская, экологическая, правовая, психологическая, комплексная гуманитарная экспертиза и др. Все научные экспертизы предполагают специальную алгоритмизацию действий. Результаты научной экспертизы, как правило, оформляются в виде заключения, которое имеет решающее значение для принятия решения теми инстанциями, по заказу которых и проводится исследование. Экспертное заключение содержит факты, комментарии, объяснения; носит доказательный характер; используемая в нем аргументация должна быть рационально выраженной в

интерсубъективной, т.е. доступной общественности форме [1]. К экспертным заключениям предъявляются формальные требования, указанные в статье 204 УПК РФ, посвященной экспертизе как процессуальному действию. Экспертное заключение научной экспертизы должно включать в себя следующую информацию: дата, время, место проведения экспертизы; основания производства экспертизы; должностное лицо, назначившее экспертизу; сведения об экспертном учреждении и эксперте; сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу ложных показаний; вопросы, поставленные перед экспертом; объекты исследований и материалы, представленные для производства экспертизы; данные о лицах, присутствовавших при производстве экспертизы; содержание и результаты исследований с указанием примененных методик; выводы по поставленным вопросам перед экспертом вопросам и их обоснование.

Особым типом экспертизы является философско-антропологическая экспертиза. Ее можно охарактеризовать как лонгитюдное исследование, направленное преимущественно на изучение проблем общечеловеческого масштаба. Объект философско-антропологической экспертизы — модели и стратегии спасения и выживания. Вводя в научный обиход концепт «философско-антропологическая экспертиза», необходимо в первую очередь обозначить то, как в данном случае понимается философская антропология. В этой ситуации нам следует обратиться к трудам С. Ф. Денисова, так как в этой работе мы будем придерживаться его интерпретации философской антропологии. По мнению С. Ф. Денисова, философская антропология, генерируемая из моделей и стратегем спасения, является практической теорией человека. Соответственно, философско-антропологическая экспертиза и представляет собой такое исследование, в котором раскрываются (посредством критики и анализа) основные причины, закономерности тушикового развития человечества, вставшего на путь танатальности, оказавшегося в кризисной ситуации.

Философско-антропологическая экспертиза, в свою очередь, подразделяется на следующие виды: рациональная экспертиза, иррациональная экспертиза, трансценденталистская экспертиза.

Под *рациональной экспертизой* понимаются такие исследования, которые опираются на научные методы и выводы которых логически обоснованы, подкреплены фактами и аргументами.

Иррациональная экспертиза — это исследование, в которых эмоциональный компонент выходит на первый план, где присутствует преимущественно художественное видение мира, сопровождающееся активным использованием образов, метафор, нарративов и т.д.

И рациональная, и иррациональная экспертизы включают в себя преимущественно критику экспертируемого объекта, не предполагая конструктивного решения. Субъектов данных типов экспертизы условно можно обозначить как «эксперт — знаток» и «эксперт — критик» соответственно (стратегия когитарности и стратегия экзистенциальности).

Трансценденталистской экспертизой может являться и рациональная экспертиза, и иррациональная экспертиза, если они помимо критической оценки кризисной ситуации содержат в себе рекомендации, предписания, сформулированные на основе экспертного анализа, иными словами, если их экспертные заключения предполагают ответ на вопрос: «Каковы

пути спасения?» Процедура экспертирования в данном случае включает в себя не только применение научных методов, но и трансцендирование познающего субъекта (эксперта), который представляет собою высшее звено в эволюции эксперта как субъекта деятельности: он является так называемым «экспертом-спасителем». Именно он дает ответ на столь актуальный для нашей культурной эпохи вопрос: «каким образом человек может вырваться из танатальной тенденции и встать на путь витальности?» [2, с. 214].

Философско-антропологическая экспертиза — это экспертиза всей культуры и цивилизации, и субъект философской антропологии становится тогда экспертом, когда чувствует, видит, что человечество идет к гибели. При этом эксперт, как правило, дает критическую оценку происходящему в мире, предлагая человечеству в качестве экспертного заключения либо путь выживания в условиях зла (рациональная и иррациональная философско-антропологическая экспертизы); либо путь преодоления зла (трансценденталистская философско-антропологическая экспертиза). В первую очередь стоит отметить, что концепции спасения античных мыслителей представлены в одной из работ С. Ф. Денисова [2]. Что касается современных концепций спасения, то философско-антропологические идеи К. Поппера, на наш взгляд, могут быть названы рациональной философско-антропологической экспертизой в силу того, что К. Поппер предлагает так называемый путь выживания в условиях зла (имеются в виду его идеи насчет «поэтапной социальной инженерии», применение которой позволит, с точки зрения Поппера, последовательно и своевременно корректировать обществу определенные социальные подсистемы, не рискуя при этом разрушить всю социальную систему целиком) [3]. Исследование Поппера и его результаты можно охарактеризовать как рациональную философско-антропологическую экспертизу, так как оно соответствует требованиям, предъявляемым к данному типу экспертизы.

Философия Ф. Ницше представляет собой иррациональную философско-антропологическую экспертизу, т.к. Ницше предлагает путь выживания в условиях зла. «Фридрих Ницше буквально дословно воспроизводит идеи киников о переоценке ценностей, о сверхчеловеке и киническое понимание свободы. Ф. Ницше витальность видит только в животных инстинктах» [2, с. 42].

Второй путь спасения, а именно — преодоление зла — представлен в творчестве И. А. Ильина (имеются в виду его идеи о цельности нравственного человека, о необходимости воспитывать грядущие поколения к «предметности»). Философия И. А. Ильина — это трансценденталистская философско-антропологическая экспертиза, так как она включает в себя то, что действительно может спасти человечество, а именно, конкретный путь, предполагающий цельность личности человека, наличие у него особого внутреннего органа, который И. А. Ильин называет «гармонией, согласованной тотальностью (т.е. целокупностью) влечений и способностей, единением инстинкта и духа, согласием между верой и знанием» [4, с. 312]. Таким образом, помимо критической оценки культуры в целом (И. А. Ильин считает, что в основе существующей «выродившейся культуры» лежит «выродившаяся жизнь», а современным «цивилизированным», но культурно и духовно опустошенным человеком владеет беспредметная тоска или скука жизни), И. А. Ильин видит спасение человека (пре-

одоление зла) в его цельности (целостный человек должен обладать зрелым духовным характером: «зрелый духовный характер подобен укрепленному городу, в центре которого находится кремль: здесь построен храм Божий, с алтарем... отсюда исходят все важные решения; отсюда излучается центральная воля, все организующая и упорядочивающая; здесь сосредоточивается сила, здесь вооружается верность, отсюда светит разум» [4, с. 315]).

Может возникнуть закономерный вопрос: для чего различным философско-антропологическим теориям мыслителей придавать статус философско-антропологической экспертизы?... Наделение каких-либо важных выводов мыслителей прошлого и настоящего статусом экспертного заключения (а их авторов — соответственно статусом эксперта) имеет огромное значение в контексте принятия решений мирового масштаба: за счет приобретения этих статусов текст (экспертиза и ее заключение) обретает «максимальную действенность», т.е. экспертное знание (текст) становится более функциональным; за счет обретения авторитетности в глазах общест-венности текст оказывает большее воздействие на поведение людей (направляет, побуждает и т.д.).

От других типов экспертизы (в частности, от научной экспертизы) философско-антропологической экспертизу отличает следующее:

1) исследование мыслителей и их заключения не имеют официально утвержденного статуса экспертизы и экспертного заключения соответственно;

2) отсутствует заказчик экспертизы. В качестве побудительной силы, инициирующей и мотивирующей проведение экспертизы исследователем, можно рассматривать «вызовы» самой истории, «ответами» на которые и являются философские теории, модели, утопии (экспертные заключения);

3) субъект философско-антропологической экспертизы выполняет процедуру экспертирования по призыванию, а не в силу того, что его «привлекли» к данной работе, т.е. для него это скорее выполнение миссии перед человечеством;

4) философско-антропологическая экспертиза отличается по темпоральным признакам: ее проведение может занять от нескольких лет до нескольких столетий и свыше;

5) философско-антропологическая экспертиза отличается своей интенциональностью: ее экспертные заключения распространяются на все человечество (для сравнения: экспертные заключения научных и ненаучных экспертиз чаще всего касаются каких-то отдельных сообществ и групп);

6) философско-антропологическая экспертиза отличается по топологическим признакам: для того, чтобы экспертные заключения были доступны для транслирования обществу, необходимы те пространственно-временные условия, при которых это становится возможным. Для научных и ненаучных экспертиз такие условия созданы благодаря существованию специальных организаций, бюро, интернет-сайтов, телепрограмм и т.п. В случае с философско-антропологической экспертизой, стоит отметить, что некоторые семинары, конференции и т.п. могут рассматриваться в качестве таких условий;

7) экспертные заключения философско-антропологической экспертизы представлены в виде научных (и художественных) текстов;

8) труды мыслителей доступны и открыты для всех, любой желающий может соучаствовать в проведении экспертизы (так появляются ученики и исследователи различных философских направлений и школ);

9) философско-антропологическая экспертиза не носит ситуативного характера, она не является реакцией на конкретную проблемную ситуацию (что характерно для научной экспертизы, где действует следующий механизм: возникает проблемная практическая ситуация, что порождает востребованность в экспертах.).

Обозначив существенные черты философско-антропологической экспертизы, необходимо особо подчеркнуть, что сегодня научная экспертиза приобретает свойства философско-антропологической. Речь идет о том, что некоторые научные экспертизы сегодня рождаются по принципу автогенеза: т.е. у них нет официального заказчика (что является отличительной чертой философско-антропологической экспертизы), они проводятся по инициативе экспертов, которые представляют экспертные заключения в той или иной форме. Согласно теории У. Бека, именно в «обществе риска» появляются такие эксперты, которых, как говорится, никто не зовет — они сами приходят: «Жертвам даже не надо решать, обращаться ли им за советом к экспертам. Не жертвы ищут экспертов по рискам, а сами эксперты ищут себе жертв. Они могут появиться совершенно неожиданно. Ибо опасность можно предположить в любом предмете повседневного спроса» [5, с. 182]. Таким образом, функции эксперта расширяются в связи с тем, что само понятие экспертизы приобретает более широкий контекст: экспертирование какой-либо конкретной проблемы практического характера (что является целью научной экспертизы) постепенно предполагает и экспертирование общей ситуации в мире, цивилизации, культуры (что является миссией субъекта философско-антропологической экспертизы). О необходимости расширения целеполагания экспертизы как таковой отмечено в монографии Д. А. Леонтьева, Г. В. Иванченко: «Деятельность может быть целесообразна, рационально выстроена, эффективна, экономична и поставленные цели успешно реализуются, но сам замысел может не решать проблемы или порождать больше проблем, чем решает. Плохо, когда лечение не приносит ощутимых результатов, но еще хуже, когда оно переносится тяжелее, чем болезнь» [6, с. 22 – 23]. Итак, современная социокультурная ситуация требует от эксперта не просто ответов на заранее сформулированные вопросы, а требует философского осмысления самой проблемной ситуации в целом и переформулирования самой постановки вопроса, если в этом есть необходимость.

Субъект философско-антропологической экспертизы качественно отличается от экспертов научных экспертиз. Он помимо тех требований, которые предъявляются к субъекту научной экспертизы (профессиональная компетентность, ответственность и др.) должен обладать мышлением планетарного масштаба (чтобы думать за все человечество). Более того, субъект трансценденталистской экспертизы проигрывает роль эксперта преимущественно не по заказу определенных инстанций (хотя неофициально за подобными услугами и обращаются к таким экспертам: мудрецам, святым и т.д.), он является экспертом по жизни: можно сказать, личность этого эксперта и статус эксперта тождественны. Следовательно, если ценностные ориентации субъектов научной экспертизы транслируются только в рамках функционирования роли эксперта, то для субъекта трансценденталистской экспертизы эти ценностные ориентации и есть отражение «Я»-концепции. Можно сказать, что сами субъекты транс-

ценденалистской экспертизы не всегда называют себя экспертами — это скорее необходимо тем, кто нуждается в помощи этих экспертов (так общество «маркирует» тех, кто по сути выполняет функции эксперта). Субъект трансценденталистской экспертизы, как правило, отличается от экспертов научной экспертизы и тем, что он «действует» в одиночку, его трудно «подчинить» интересам какой-то одной корпорации. Он является мастером своего дела (экспертирования) по призванию. Он не *пригает* смысл вещам, как это делают эксперты научных экспертиз, — он этот смысл *обнаруживает*. Научные экспертизы выявляют только те смыслы, которые имеют лишь временное значение в жизни человека. Помочь же человеку обнаружить «целостный» смысл всей его жизни возможно, если провести особую экспертизу — трансценденталистскую. В данном случае истина становится главной ценностью для эксперта данного типа. Независимо от того, примет или нет эту истину общество, субъект трансценденталистской экспертизы репрезентирует ее своей жизнедеятельностью (именно так и поступали святые, пророки, мудрецы).

Библиографический список

1. Тульчинский, Г. Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология / Г. Л. Тульчинский // Экспертиза в совре-

менном мире: от знания к деятельности ; под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. — М. : Смысл, 2006. — С. 10–29.

2. Денисов, С. Ф. Библейские и философские стратегемы спасения: антропологические этюды : учеб. пособие / С. Ф. Денисов. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2004. — 216 с.

3. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона; Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К. Р. Поппер. — Киев : Ника-Центр, 2005. — 800 с.

4. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. — М. : Республика, 1993. — 431 с.

5. Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек. — М. : Прогресс - Традиция, 2000. — 384 с.

6. Леонтьев, Д. А. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл / Д. А. Леонтьев, Г. В. Иванченко. — М. : Смысл, 2008. — 135 с. — С. 22–23.

ГОРИНА Анна Владимировна, соискатель по кафедре философии Омского государственного педагогического университета, старший преподаватель кафедры общественных наук филиала Российского заочного института текстильной и легкой промышленности в г. Омске.

Адрес для переписки: e-mail: anna-shvedova@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 23.12.2010 г.

© А. В. Горина

УДК 1/14

Т. Е. КЛИМЕНКО

Филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ МОДУСОВ: Ж. П. САРТР И ПОСТМОДЕРНИЗМ

В статье рассматривается деформация экзистенциальных модусов, выдвигаемых Ж. П. Сартром, в постмодернизме. Выделяемые Сартром «бытие-для-себя» и «бытие-для-другого» как фундаментальные экзистенциальные модусы сливаются в постмодернизме воедино, и бытие человека, которое разворачивается в ситуации завершенности времени, возможно лишь только посредством пародии и пастиша. В итоге автор приходит к выводу, что в постмодернизме человеческое существование оказывается завершено.

Ключевые слова: бытие, экзистенция, экзистенциальный модус, пастиш.

На сегодняшний день проблема человеческого существования не менее актуальна, чем проблема его сущности. Сущность человека может определяться его окружением, социальной средой и обществом в целом. Но также сущность человека может открываться непосредственно, как его собственное бытие, через личное существование, через экзистенцию. Сартр определяет экзистенцию как бытие, направленное к ничто и сознающее свою конечность, и увидеть, прозреть свою экзистенцию, как глубочайший корень своего существа, человек способен только в пограничной ситуации, перед лицом смерти как способа соприкосновения с ничто. Структура экзистенции описывается в виде набора модусов человеческого существования. Экзистенциальный

модус — это измерение Dasein, соответствующее Mitwelt, т.е. миру окружающих людей. Сущность таких отношений заключается в том, что при встрече оба человека меняются, влияя друг на друга. Mitwelt можно рассматривать через призму одновременности как временного модуса, поскольку человек не может жить в одиночку и, находясь в широком кругу социальных отношений, он способен влиять на других и в то же время испытывать влияние этих других на себе. Также под экзистенциальным модусом понимается способ самоинтерпретации, самопонимания, самовыражения.

Сартр выделяет такие фундаментальные экзистенциальные модусы, как «бытие-для-себя» и «бытие-для-другого». Эти два модуса являются человеческой

реальностью, опять же это структуры нашего собственного бытия. Правда, в первом случае это бытие «для-меня», а во втором — необходимо наличие Другого.

Если мы говорим о бытии-для-себя, то сознание себя мы должны рассматривать как «единственный модус существования, который возможен для сознания чего бы то ни было» [1, с. 28]. В свою очередь, этот тезис говорит о своеобразном положении сознания, в котором бытие есть повсюду, оно вокруг меня, напротив меня, оно давит на меня [2, с. 539]. Все вокруг меня — от бытия, и ни от чего более.

Бытие сознания очень тесно связано у Сартра с бытием свободы. При этом свобода — суть человеческого бытия, бытия сознания, которое, в свою очередь, по природе своей является рефлексивным. Человек по своей сути свободен, и он свободен изначально. Опять же свобода, по мнению Сартра, отделяет посредством Ничто прошлое человека от его будущего, человеческое настоящее от его прошлого. В данном случае свобода очень тесно связана с проблемой экзистенциального выбора, когда человек стоит перед трудным жизненным решением, а будущее представляется в виде собственных (моих) возможностей. Как бы то ни было, но если нельзя отсрочить этот выбор в данной ситуации, то всегда можно сослаться на обстоятельство, которые, как думает человек, натолкнули его на то или иное решение. Получается, что за выбор ответствен уже не сам человек, а кто-то другой или что-то другое. Эта разновидность человеческого бытия «для-себя» есть самоотрицание, но в специфическом модусе нежелания признаться себе, что у человека есть те или иные возможности для правильного, но, возможно, более сложного выбора. И это отрицание направлено на себя, где человек прячет истину от себя самого. В противовес такому состоянию выделяется состояние искренности, которое скорее не состояние, а требование быть тем, кто ты есть на самом деле.

Говоря о «бытии-для-себя», стоит напомнить, исходя из идей Сартра, что человеческое бытие фактично, т.е. это бытие в ситуациях. Эта фактичность и бытие в ситуациях очень похоже на фрагментарное существование, постулируемое постмодернизмом.

Человек заброшен в мир и понимает, что не он является основанием того, что встречается в мире. Поэтому сознание человека, по Сартру, сознание непременно несчастное. Таким образом, человеческое бытие открыто в возможности, оно незавершено, и поэтому его характеристикой является временность.

Временность есть «бытие-для-себя», которое существует во всех временных модусах (прошлое, настоящее и будущее). При этом Сартр не согласен с Хайдеггером, выдвигающим на первый план модус будущего, поскольку человек оказывается «проявленным» как раз в прошлом, человек и есть его прошлое, которое способно показать, чего ему не хватает. Может быть, именно поэтому впоследствии в постмодернизме настоящее человеческое существование заменяется пародией и пастишем, основанными как раз на проявленном прошлом, на том, чего людям современности не хватает. Представленные временные модусы обусловлены друг другом и в синтезе составляют целостность временности. Настоящее может трактоваться через присутствующее, присутствие, которое, в свою очередь, не может быть модусом-в-себе [1, с. 144], поскольку

«Для-себя» есть присутствие по отношению к бытию, поскольку оно является в самом себе собственным свидетелем сосуществования. Но присутствие — это экстатичный модус «Бытия-для-себя». «Для-себя», являясь сознанием самого себя, постоянно превращает самого себя в свое прошлое, поэтому временность «бытия-для-себя» это основа измерений. Если говорить о будущем, то «Для-себя», которое будет, «будет модусом определения себя в бытии, и будущее, ставшее прошлым будущим, как набросок этого Для-себя, сможет его добиваться только в виде прошлого бытия, того, чем оно делает себя существующим» [2, с. 151]. Будущее является постоянным становлением своих возможностей, но оно не имеет бытия как Будущее и поэтому не может быть модусом бытия «Для-себя», поскольку оно выступает смыслом «Для-себя». Отношения человека с бытием не исчерпываются отношением «Для-себя», и здесь появляется следующий фундаментальный экзистенциальный модус, который в большей степени соответствует миру других людей (или *Mit-sein* в трактовке Хайдеггера).

«Бытие-для-другого» — необходимое условие нашего бытия, поскольку другой выступает своего рода посредником между мной и мной самим, поскольку для другого я становлюсь объектом. И в данном случае другой не только тот, кого я вижу, но и тот, который видит меня, и мое отношение к другому, это отношение бытия к бытию. При этом для Сартра при выражении отношения Я к Ты более существенна оппозиция, противопоставление, чем совместность бытия. В присутствии другого я становлюсь объектом, что лишает меня главного качества — свободы, и тот объект, в качестве которого я существую для другого, и тот объект, в качестве которого другой существует для меня, равно представляются телами. Поэтому мое тело существует в модусе «для-меня», но оно существует и в модусе «для-другого», где я теперь существую для себя как познаваемый другим. И в этом измерении я становлюсь «чистой фактичностью» [2, с. 558], переставая быть пространством возможностей.

Человеческое бытие возможно, согласно экзистенциализму, во всех временных модусах. Если говорить о временных модусах постмодернизма, то стоит отметить, что все они совмещаются в одновременности. Даже само название «постмодерн», которое дословно переводится как постсовременность, указывает на направленность в будущее, на то, что будет после этого, постулируя будущее как уже наступившее, т.е. будущее уже настоящее. Постмодернизм осмысливается как процессуальность, которая развивается после времени, т.е. в ситуации свершенности или завершенности. Но опять же для постмодернизма характерно пародийное повествование, пастиш, метарассказ, что, в свою очередь, предполагает обращение к прошлому, его изучение и дублирование или воспроизведение, и последующее усиление. Поэтому здесь, как заметил В. Вельш, одновременность разновременного стала новым естественным [3]. И постмодернизм не отворачивается от времени, а исследует его, осмысливает по-новому. Совмещать все временные модусы возможно посредством текстуализации, письма, где означающее (материальная сторона языка) исключается, и именно означающее позволяет языку объективно воспроизводить реальность. При этом особый эффект языка, по мнению Ж. Лакана, создается посредством экзистенциального или опытного сознания времени, опыта темпоральности [4, с. 62]. «Именно потому, что в

языке есть форма прошлого и форма будущего, а предложение разворачивается во времени, мы можем обладать опытом, который кажется нам конкретным и живым опытом времени». Но современный языковой беспорядок почему-то не имеет опыта временной непрерывности, поэтому он обречен переживать «серию повторяющихся настоящих» [5, с. 64]. Это может свидетельствовать о неподлинности бытия, утверждаемой экзистенциалистами, поскольку перевод моментов настоящего заслоняет от человека его конечность, но опять же подразумевает богатый, более интенсивный опыт настоящего в этом мире. Эта фрагментация настоящего, однако, связана с кризисом, с утратой авторитетных и доступных разуму стандартов добра, истины и прекрасного, с утратой, отягощенной одновременно потерей веры. Это сознание в достоверности научного познания приводит постмодернистов к интуитивному поэтическому мышлению (но идею об интуитивном способе мышления встречаем и у экзистенциалистов), которое нашло отражение в видении мира как хаоса, мира децентрированного, мира в виде иерархически неупорядоченных фрагментов. Отсюда и выдвижение на передний план непредставимого, неизобразимого в самом изображении. По замечанию Ж.-Ф. Лиотара, искусство постмодернизма ищет новые способы изображения, чтобы с еще большей силой и остротой передать ощущение того, что нельзя представить [6, с. 132]. С этим как раз и связано появление особого способа самовыражения и самоинтерпретации — «пародийного модуса повествования» как единственно возможной экзистенциальной позиции постмодернистского художника. Но не напоминает ли данный экзистенциальный способ анонимный модус существования, который интерпретируется как форма индивидуальной жизни и действий в безликой массе, где человек использует чужой способ существования, как бы замещая им свой собственный. И речь здесь идет о ложном сознании, которое как раз и пропагандируют постмодернисты, поскольку современные средства массовой коммуникации мистифицируют, зомбируют массовое сознание, манипулируют им, порождая ложные мифы и иллюзии. Названные И. Хассаном характерные признаки постмодернизма, среди которых особо выделяются безличность, поверхностность и карнавализация [7, с. 43], только подчеркивают превалирование анонимного модуса существования, поскольку современная ситуация усиливает стирание личности, подчеркивает множественность «я», указывает на праздник времени и дикий беспорядок жизни. Как в таком сумасшедшем жизненном потоке можно сохранить свое лицо, свою индивидуальность, не став похожим на других.

Итак, «пародийный модус повествования» становится важным экзистенциальным модусом постмодернизма. Пародия сама по себе подразумевает наличие иронии, доходящей иногда до сарказма, обыгрывание или обращение к игре, диалог или полилог, самоотражение, наконец. Пародия обыгрывает уникальность существующих модернистских стилей, чтобы произвести имитацию, высмеивающую свой оригинал. При этом главным признаком пародийного модуса является двойное кодирование, или «парадоксальный дуализм», под которым понимается постоянное пародийное сопоставление двух или более «текстуальных миров», как назвал это Ч. Дженкс [8, с. 85]. Можно предположить, что бытие «Для-себя» постоянно пародирует бытие «Для-другого» как единственно возможное для сознания соб-

ственного бытия. Получается совмещение различных способов кодирования эстетических систем, т.е. разных художественных стилей. Отсюда и вытекает фрагментарность повествования. Но на сегодняшний день сама жизнь стала фрагментироваться таким образом, что каждая социальная группа говорит на своем собственно закодированном языке, каждая профессиональная сфера развивает свой идиолект, непонятный для других. И в этот момент пародия становится невозможной и появляется пастиш. Ф. Джеймисон обозначил пастиш как специфический постмодернистский опыт пространства [5, с. 71], который сливает воедино сартровские экзистенциальные модусы, превращая бытие «Для-другого» в бытие «Для-себя». Пастиш, также как и пародия, имитирует единичный или уникальный стиль, но без скрытого мотива пародии, без смеха, без какого-либо отношения или чувства к пародируемому. Пастиш — это своего рода белая пародия, которая потеряла чувство юмора. Но зачем необходимо явление подобного рода? Не значит ли это, что уникальный, опознаваемый стиль исчез, а индивидуальный субъект «мертв» (вспомним здесь постмодернистскую тенденцию к «молчанию» и доминирование бессознательных языковых структур в качестве центра системы представлений). Либо больше нет смысла генерировать опыт индивидуальной самости, поскольку больше никто не обладает уникальным внутренним миром и стилем, чтобы его выражать, а современные художники больше не способны создавать новые стили, т.к. они уже были изобретены. В таком случае остается только пастиш и имитация мертвых стилей. Будем надеяться, что это всего лишь путь, поиск или проект падения нового на дороге к сверхновому.

Так или иначе, пародия или пастиш предполагают наличие «коммуникативного сосуществования», что, в свою очередь, актуализирует идею о Другом, и эта идея, если сравнивать с экзистенциализмом, существенно эволюционирует. Вспомним, что наличие бытия Другого, по Сартру, необходимо для того, чтобы постичь бытие собственное и бытие Для-себя возможно только при наличии бытия Для-другого. В постмодернизме Другой изначально интерпретируется как внешнее содержание структур бессознательного (бытие бессознательного, как «речь Другого» по Ж. Лакану), далее он получает новое коммуникативное значение, в системе отсчета которой реальность языка перестает быть для постмодернизма самодовлеющей. Сначала Другой становится равнозначным участником диалога, а коммуникация оказывается несводимой к простому информационному обмену и должна быть истолкована как экзистенциально значимая. В данном случае «опыт Ты» дает возможность индивидуальности выйти за пределы собственного существования, организует процесс интериоризации феномена «мы» и формирования на этой основе как «личности и человечности», так и рефлексивного «распознавания Самости». Далее — на самом дне Другого — субъект обретает самого себя и коммуникация, таким образом, конституируется как рефлексивная. Но и сам Другой конституируется в этом контексте как собственное бессознательное, понятое как «голос Другого», артикулирующийся «через конституирование самим Я», согласно Ж. Делезу [9, с. 412]. Многократное зеркальное удвоение этой коммуникации задает ситуацию тотального квазидialogа, где конституирование параллельных Я является, возможно, оборотной стороной возможности быть Другим для дру-

гого Я, и «фрагментарный человек» может быть собран только посредством Другого.

Таким образом, деформация экзистенциальных модусов в постмодернизме заставляет задуматься о том, что бытие «Для-себя» и бытие «Для-другого», постулируемое Сартром как фундаментальное, становится не то чтобы неважным, даже необязательным, и основным экзистенциальным модусом остается только «бытие-другого-как-свое-собственное» (если использовать язык Хайдеггера и Сартра), особенно если вспомнить то рефлексивное осмысление постмодернизма, как процессуальности, которая разворачивается после времени в ситуации свершенности истории. Не та ли эта ситуация, когда человеческое существование оказывается завершено и говорить больше не о чем. Хотя вопрос остается открытым.

Библиографический список

1. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто : Опыт феноменологической онтологии ; перевод с фр. ; предисл., примеч. В. И. Колядко / Ж. П. Сартр. — М. : Республика, 2000. — 639 с.
2. Зотов, А. Ф. Современная западная философия / А. Ф. Зотов. — М. : Высшая школа, 2001. — 784 с.

3. Вельш, В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ido.rudn.ru/ffec/philos/chrest/vel.html> (дата обращения: 13.08.2010).

4. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. — М. : Гнозис, 1995. — 99 с.
5. Джеймисон, Ф. Постмодернизм и общество потребления / Ф. Джеймисон // Логос. — 2000. — № 4. — С. 63–77.
6. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна ; перевод с фр. Н. А. Шматко / Ж.-Ф. Лиотар. — М. : Алетейя, 1998. — 159 с.
7. Липовецкий, М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики) : монография / М. Н. Липовецкий. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997. — 317 с.
8. Дженкс, Ч. Язык архитектуры постмодернизма / Ч. Дженкс. — М. : Стройиздат, 1985. — 136 с.
9. Делез, Ж. Логика смысла ; перевод с фр. Я. Я. Свирского / Ж. Делез. — М. : «Раритет», Екатеринбург : «Деловая книга», 1998. — 480 с.

КЛИМЕНКО Татьяна Евгеньевна, ассистент кафедры психологии и социальной педагогики.
Адрес для переписки: e-mail: tatiana050984@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.09.2010 г.

© Т. Е. Клименко

УДК 101.1:316

Е. А. КОНОВАЛОВА

Омский государственный
педагогический университет

ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПУТИ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются требования, предъявляемые к образованию в контексте глобализации и противоречия в российской системе образования по сравнению с передовыми странами мирового сообщества. Исследуются пути решения проблем в образовании на всех уровнях.

Ключевые слова: противоречия, современная российская система образования, глобализация.

Проблемы образования всегда являлись актуальными для любого общества. Наиболее значимыми они становятся сейчас, в эпоху информатизации и глобализации. Быстрыми темпами набирающая силу информационная революция изменяет мир, предоставляя обществу принципиально новые решения и возможности во многих сферах жизнедеятельности. Вместе с тем эта революция несет с собой принципиально новые проблемы и противоречия, в частности в сфере образования. Проблемы образования становятся приоритетными во всем мире, так как они определяют будущее каждой страны в отдельности и планеты в целом.

Российская система образования заметно отстает от быстро изменяющихся условий существования современного общества и требует серьезных преоб-

разований, что обусловлено кризисными явлениями. Кризис системы образования проявился еще в конце XX столетия, сущность которого заключается в несоответствии содержания образования, а также масштабов и уровня его развития постиндустриальному вектору цивилизационного развития. Кроме того, социально-политические и экономические радикальные изменения общества сделали насущной проблему совершенствования системы образования. Необходимость преобразования современной российской системы образования обуславливается и тем, что новые условия существования локального социума в глобальном пространстве предъявляют к образованию ряд принципиально новых требований. Во-первых, ориентация системы образования на опережение, то есть ее нацеленность на проблемы

информационного общества, развитие творческих способностей человека и его умение самостоятельно принимать решения в условиях неопределенности. Во-вторых, массовая доступность образования для повышения общего уровня интеллектуального и духовного развития общества и для достижения большей социальной стабильности за счет сокращения социального неравенства. В-третьих, все более возрастающая ориентация образования на изучение новейших достижений науки в области познания фундаментальных законов природы, общества и человека. В-четвертых, значительное расширение и качественное развитие высшего профессионального образования, которое должно обеспечить необходимое для современного общества количество образованных людей, а не специалистов узкого профиля. В-пятых, переход от традиционной образовательной парадигмы к информационно-технологической парадигме, которая предполагает не только механическое усвоение знаний обучающимися, но и развитие их способностей, направленных на самостоятельный поиск новой информации, ее переработке, систематизации и генерации новых идей, а значит, и производство нового знания познающими субъектами.

Следование новым требованиям может рассматриваться как новая образовательная парадигма, ориентированная на развитие социума в информационном обществе XXI века. Научно-техническая революция, происходящая в мировом сообществе, привела к быстро развивающимся процессам глобализации и возникновению понятия «глобальное образование». В области глобализации написано много работ как зарубежных (М. Уотерс, Р. Робертсон и др.), так и отечественных авторов (И. А. Василенко, А. С. Паранин и др.). Все они сходятся во мнении, что глобальное образование является наиболее эффективным средством позитивного развития глобализации, обеспечивающее активное участие мировой науки и общественности в управлении мировыми процессами в новом тысячелетии. Современность требует воспитания образованной и ответственной личности, способной не только управлять собственной жизнью, но и обеспечить разумную жизнедеятельность других людей. Каждый человек должен обладать необходимыми знаниями в экологической, экономической, юридической сферах в системе глобального образования и рационально использовать современные достижения научно-технического прогресса как инструмент непрерывного образования. Открывая огромный мир информации, глобальное образование дает возможность индивиду действовать на мировом уровне. Лидерами в направлении развития глобального образования являются американцы, которые создают международные форумы (The American Forum for Global Education), проводят конференции (Bridgestone Future, Annual Meeting) и симпозиумы на различных уровнях, где рассматриваются содержание, проблемы и перспективы развития современного мирового образования. Эти обсуждения проходят на планетарном уровне (мегауровне), то есть на уровне взаимодействия национальных образовательных систем, межгосударственных связей и международного сотрудничества, и изучают изменения (мегатенденции), происходящие в контексте глобального образования. Среди основных мегатенденций можно выделить следующие: «массовый характер образования и его непрерывность в течение всей жизни; значимость образования, как для индивида, так и для общества; адаптация образовательного процесса к запросам и потребностям личности; ориента-

ция на активное освоение человеком способов познавательной деятельности; ориентация обучения на личность учащихся, обеспечение возможностей его самораскрытия» [1].

С учетом современных изменений в области образования для международной образовательной политики характерно взаимное сближение, взаимодополняемость и взаимозаменяемость национальных образовательных систем, синхронизация действий, зарождение тенденций к формированию единого образовательного пространства как эффективной формы реализации задач будущего.

Большое внимание в глобальном образовании уделяется личности учителя. По мировым стандартам современный учитель — это преемник и создатель мирового педагогического опыта, творческая личность, обладающая проблемно-педагогическим мышлением, опирающийся на новые технологии обучения и передовой мировой опыт.

Реформируемая российская система образования, несмотря на все нововведения, продолжает работать в рамках традиционной, консервативной парадигмы, где учитель выступает транслятором знаний, а ученик в роли воспринимающего устройства. Это является основным противоречием, стоящим на пути движения российского образования к глобальному образованию. Следуя мегатенденциям, современное общество требует умения самостоятельно приобретать знания, умения работать с информацией, анализировать её, видеть и решать возникающие проблемы в разных областях. Тенденции развития современного образования наталкивают на необходимость поиска новых подходов в обучении, которые в будущем приведут образование к новому образу мышления и новому стилю жизни будущих поколений. Для ускорения передачи знаний и накопленного социального опыта предполагается широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Современные ИКТ повышают качество обучения и образования, позволяя человеку более успешно адаптироваться к происходящим социальным изменениям. Эффективное внедрение ИКТ в образование — это важный фактор создания системы образования, отвечающий требованиям информационного общества. В России реализуется особый путь внедрения в глобальное информационное образование. Это связано с проблемами внедрения ИКТ в российскую систему образования. Массовое внедрение ИКТ в образовательной сфере, использование новых образовательных технологий приводят к изменению самой парадигмы образования, изменению стандартов и требований, методик преподавания, и как следствие, требует изменения самой стратегии развития образования. В своем большинстве российская образовательная и научная среда не готова к массовому применению современных ИКТ. Зачастую это связано с психологическим барьером, который необходимо преодолеть. Должно измениться само отношение педагогов к использованию информационных технологий в образовательном процессе. Эта проблема, в свою очередь, вытекает из цифрового неравенства регионов. Не секрет, что на периферии во многих школах нет даже компьютеров, а основными средствами обучения являются мел и доска. Для изменения ситуации в этой области разработана стратегия развития информационного общества в России до 2015 г. Основные направления использования ИКТ в сфере образования и науки до 2015 года содержат в себе комплекс мероприятий, реализация которых предполагает совершенствова-

ние, как технологий образования и науки, так и содержания, методической поддержки участников всех ступеней образовательного процесса и, как следствие, модернизацию нормативно-правовой базы, что должно привести к обновлению всей системы образования на пути к глобальному образованию. С целью реализации этой программы в области образования выработаны ключевые инициативы:

— «внедрение и развитие ИКТ с использованием преимуществ электронных образовательных ресурсов для обеспечения равных возможностей в получении качественного образования всем участникам образовательного процесса, в том числе детям с ограниченными возможностями;

— обеспечение возможности реализации индивидуальной образовательной траектории обучающихся (школьников, учащихся, студентов, слушателей) на основе внедрения и использования ИКТ, дифференциация учебного материала в зависимости от способностей обучаемого с целью наиболее эффективного усвоения знаний и раскрытия потенциала личности;

— широкое внедрение информационных технологий для сохранения, развития и эффективного использования научно-педагогического потенциала страны;

— создание условий для поэтапного перехода к новому уровню обеспечения качества образования на основе ИКТ, реализация возможностей постоянной, а не эпизодической переподготовки для учителей школ и преподавателей вузов, получение знаний как в системе национального образования, в том числе и дистанционного, так в пространстве мировой системы образования» [2].

Предлагаемые к реализации инициативы касаются всех уровней образования, начиная от общего образования и заканчивая высшей школой. В области развития технологий и содержания общего образования разрешения проблем можно добиться следующими способами: создание социальных образовательных сетей и обеспечение доступа к ним; создание эффективной системы справочно-методической, нормативной поддержки и сопровождения процесса внедрения электронных образовательных ресурсов в образовательный процесс; обеспечение системной переподготовки учителей; создание электронного документооборота и внедрение публичной отчетности всех учреждений системы образования; обеспечение равного доступа к образованию для детей с ограниченными возможностями с помощью современных компьютеров, оснащенных дополнительным оборудованием, учитывающее индивидуальные особенности физиологических ограничений; оснащение техникой и подключение к сети Интернет учителей, работающих в сфере дистанционного образования.

Применительно к начальному профессиональному образованию (НПО) и среднему профессиональному образованию (СПО) можно констатировать, что на современном этапе развития обучение в системе НПО и СПО не столь престижно. Важно формировать новый привлекательный облик НПО и СПО в первую очередь за счет улучшения материально-технической базы образовательных учреждений и за счет обеспечения их современными программно-техническими комплексами. В рамках данного направления можно выделить следующие направления: развитие технологической и информационной инфраструктуры учреждений НПО и СПО; создание современных учебно-производственных комплексов

на основе внедрения компьютерных тренажеров и виртуальных лабораторий; внедрение технологий для интеграции образования и производства; организация электронного взаимодействия с потенциальным работодателем для поддержки трудоустройства выпускников.

Больше всего изменений в системе образования произошло на уровне высшего образования. Стремление России вступить в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) привело к участию в Болонском процессе с целью увеличения своей конкурентоспособности на международном рынке путем интеграции в международное образовательное пространство. Многими международными и российскими экспертами это рассматривается как позитивный фактор развития российской образовательной системы. На сегодняшний день введена двухуровневая квалификация бакалавр/магистр. Становятся обычными принципы международной и национальной мобильности, свободного выбора студентами обучающих курсов и траекторий. Происходящие преобразования касаются также и других вопросов, например, таких как независимая оценка качества образования и участие работодателей. Такая ситуация иллюстрирует постепенные изменения в подходах и менталитете, но многие другие принципы, в частности защищаемые ОЭСР, такие как равенство оплаты за обучение, пока еще не стали темой для размышления.

Несмотря на положительные тенденции, происходящие в системе высшего образования в России, возникают различные противоречия и вопросы. Пытаясь соответствовать вектору развития передовых стран мирового сообщества, реформаторы не учитывают мнения общества, сдержанность отношения которого к Болонскому процессу отражают многочисленные опросы общественного мнения. Решения вытекают из административной логики органов власти, а не университетов, студентов и работодателей. В результате данное противоречие, вытекающее из общественных отношений, превращается в фактор торможения процессов общественного развития. Еще одной трудностью общественного развития является принципиальная особенность высшего образования в России, которой нет ни в Америке, ни в Европе. Это сосредоточенность крупных вузов страны в Москве и Санкт-Петербурге. Эта ситуация создает ряд фундаментальных проблем подготовки специалистов в регионах. Низкий уровень мобильности, связанный с низким уровнем доходов населения, противоречит одному из ключевых направлений развития, обозначенных в Болонской декларации. Эффективным разрешением этого противоречия является развитие системы дистанционного образования. Появившись в нашей стране относительно недавно, дистанционное образование дает возможность реализации образовательного процесса в условиях удаленности обучающихся от образовательных центров при помощи современных информационных технологий и телекоммуникационных сетей. Стремительное развитие таких сетей приводит к снижению стоимости предоставляемых услуг и делает дистанционное образование доступной и привлекательной формой образования для все большей части граждан. Оно позволяет получать профессиональную подготовку в престижных учебных заведениях без отрыва от производства. Кроме того, дистанционное образование открывает широкие возможности инвалидам, женщинам, находящимся в декретном отпуске, военнослужащим, жи-

телям отдаленных районов, заключенным и другим категориям граждан. Поэтому развитие системы дистанционного образования для нашей страны представляет важную социальную проблему, тесно связанную с проблемой повышения качества человеческих ресурсов. Для решения этой проблемы необходимо создавать в нашей стране аккредитованные дистанционные университеты, развивать онлайн-обучение в традиционных университетах, создавать программы дистанционного обучения курсов повышения квалификации.

Развитие такой формы обучения в России актуально в последнее время в связи с сокращением количества вузов. По заявлению Президента РФ Д. Медведева количество вузов в нашей стране должно быть сокращено. По его словам, высшее образование в России обесценилось за счет огромного количества вузов. Это, в свою очередь, вызывает еще одно противоречие. Высокий уровень современных технологий, которые объединяют в себе достижения научно-технического прогресса, требуют высокообразованных специалистов. (В некоторых передовых странах, например в Японии, рассматривается вопрос о всеобщем высшем образовании.) Сокращение числа вузов, естественно, этому не способствует. Именно поэтому, дистанционное образование может стать альтернативой в осуществлении задач по повышению уровня образованности людей. Кроме того, оно может сделать образование непрерывным процессом, позволив человеку адаптироваться к происходящим технологическим инновациям, которые требуют способности овладевать новыми знаниями. Непрерывность процесса обучения на протяжении всей жизни — это важная составляющая удовлетворения требований к современной системе образования в условиях информационного общества.

Важной государственной задачей является объединение всех вузов и ведущих научных центров России в единую информационную сеть на основе широкого применения ИКТ. Это необходимо для организации обмена результатами научных исследований. В этой сфере выделяются следующие ключевые направления:

— организация всесторонней поддержки процессов интеграции образования и науки на базе создания федеральных университетов, национальных исследовательских центров, в том числе международных центров коллективного пользования научно-образовательными базами данных, научным оборудованием, лабораториями удаленного доступа;

— разработка и апробация моделей и механизмов сетевой организации образовательной и научной деятельности учебных заведений с целью повышения качества образования.

Итак, XXI век — это век постоянно растущего объема знаний, инноваций, информации. Именно поэтому XXI век становится веком образования, тре-

бующим воспитания «человека мира» креативного, любознательного, а потому перманентно познающего, живущего по принципу — «век живи и век учись»! Развитие образования в каждом отдельном социуме составляет сущность развития глобального образования за счет взаимобмена энергией, информацией, передовым опытом во всех отраслях знания и экономики. Россия, преследуя цель войти в число лидеров мирового сообщества, не осталась в стороне от реформ в сфере образования. Однако изменения в сфере образования осуществляются противоречиво. Достаточно сказать, что не выполняется требование массовости и общедоступности образования для всех членов общества. Это связано и сокращением количества вузов и численности бюджетных мест, и с неравенством, зависящим от уровня информатизации образования в разных регионах, в связи с чем стратегической задачей является придание образованию опережающего характера с целью подготовки человека к новой информационной среде обитания. Для решения этих проблем необходимо создание гибкой системы образования, сопровождающей человека на протяжении всей жизни, что возможно благодаря целостности образовательной информационной среды. В рамках реализации этого процесса следует двигаться магистральным путем развития российской системы образования, применяя современные телекоммуникационные сети и информационные технологии.

Таким образом, данная статья представляет собой попытку социально-философского осмысления преобразований современной российской системы образования и проблем, возникающих на пути движения к информационному обществу.

Библиографический список

1. Данильченко, В. М. Проблема развития образования в России в контексте глобального образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mbzykov.ru/_private/tt9_999_748.php (дата обращения: 19.09.2010).
2. Яковлев, А. И. Информационно-коммуникационные технологии в образовании [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ffl.msu.ru/nauka/publications/32 (дата обращения: 19.09.2010).

КОНОВАЛОВА Елена Анатольевна, соискатель по кафедре философии Омского государственного педагогического университета, старший преподаватель кафедры иностранных языков ВУНЦ Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных сил Российской Федерации» (филиал в г. Омске). Адрес для переписки: e-mail: elenakon26@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.01.2011 г.

© Е. А. Коновалова

Книжная полка

Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше. — М. : Харвест, 2011. — 1280 с. — ISBN 978-985-18-0226-1.

Литературное наследие Ф. Ницше велико и заслуживает глубокого изучения. В данном сборнике, включающем шесть трудов, раскрывается видение автором высшего смысла жизни. В его произведениях ревизия прошлого удивительно сочетается с провидением будущего. Книга предназначена для широкого круга читателей.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ МОДУС БЫТИЯ ДЖАЗОВОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ

Несмотря на то, что феномен импровизации широко представлен в творчестве и в повседневной жизни и не раз являлся предметом теоретического искусствоведческого исследования и результатом творческой практики исполнителей, собственно философской рефлексии импровизации до настоящего времени нет. Полагаем, что осмысление пространственно-временных характеристик импровизации определяет универсальный философский формат рефлексии феномена, который позволит уточнить методологию его дальнейшего исследования в науке и основания конструктивного обращения к импровизации в различных видах специальных практик: художественных, психологических, социальных, в том числе в различных учебных заведениях г. Омска.

Ключевые слова: методология исследования импровизации, пространственно-временные характеристики.

Выбор джазовой импровизации в качестве репрезентанта обусловлен тем, что она, бесспорно, ярче всего представлена в джазовой музыке. Действительно, импровизация (англ. improvisation) определяется как вид музыкального творчества, при котором произведение создаётся спонтанно, непосредственно в процессе исполнения, на глазах у слушателя [1, с. 59]. Импровизацию можно определить, как искусство мыслить музыкальными образами и одновременно исполнять музыку, воплощая только что, в настоящий момент рождённые образы. Способность к импровизации может служить определителем и критерием креативности творящего субъекта, поскольку, будучи связанной с определённой системой стиливых правил и предпочтений, импровизация никогда не сводится к простому механическому комбинированию.

Вопрос о творческих возможностях субъекта был явно или имплицитно актуален для философии во все времена. Антропологические вопросы Канта: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?» и «Что такое человек?», непосредственно обращены к креативному потенциалу человека, поскольку творчество во многом определяет именно знания, деятельность, надежда и самоидентификация субъекта [2].

В связи с задачей данной статьи исследовать пространственно-временные свойства импровизации эксплицируем джазовую импровизацию как игру на основе концепции И. Хейзинги, который отчётливо определил ряд атрибутивных характеристик игры: *свободу, пространственно-временной континуум, порядок, отсутствие целеполагания, повторяемость, состязательность, напряженность, стремление к красоте*. Все перечисленные характеристики, являясь характеристиками импровизации, выражают её пространственно-временное значение.

В рассмотрении импровизации через концепт игры мы полагаем её первой сущностной характеристикой *свободу*. Джазовая импровизация никогда не совершается без свободы, как её неперемного условия. Она «есть прежде всего и в первую голову *свободная деятельность*» [3, с. 23]. Действительно,

импровизация не может осуществляться по приказу. Для проявления свободы необходимо наличие определённого пространства и времени. Их количественный фактор определяет её качество.

Свобода становится очевидной в сравнении джазового музыканта с исполнителем европейской классики. Джазмен обладает «огромной свободой варьирования, набором стереотипных приемов орнаментальной обработки музыкального материала, возможностями широкого выбора выразительных средств и выявления индивидуальных художественных склонностей. Традиционный джаз был самой свободной разновидностью музыкального исполнительства, когда-либо существовавшей в сфере европейского культурного ареала» [4, с. 90]. Свобода владения инструментом, голосом, свобода обращения с музыкальным материалом, свобода поиска новых средств выражения музыкальной мысли всегда отличали все виды джаза от классики. Свобода определяет искренность эмоций в импровизационном соло; свобода и истина тесно связаны в самовыражении личности импровизирующего музыканта. Искренность и истинность в импровизации спонтанны. «Неоспоримая истинность демонстрируемых эмоций, идей, верований гарантируется невластностью музыканта свободного джаза над своей импровизацией (аналогичной невластности человека над своим настроением или первым впечатлением) ...» [5, с. 127].

Исполнение стандарта и его трансформация — это общее для джазовой импровизационной музыки положение. Она есть раздвижение рамок музыкальной формы, разрушение правил, устоев, традиций, носителем которых является стандарт. Стандарт в его философском понимании воплощает идею нормативности культуры. Нормативность есть обязательность наличия правил деятельности и запретов. Способом существования норм выступают ценности. Таким образом, норма обеспечивает возможность бытия культуры [6, с. 8]. Если взять частную репрезентацию нормы в музыкальном джазовом стандарте, то он есть композиционно-смысловой каркас, определяющий наличное бытие джазового текста во всех его характеристиках со стороны общего,

особенного и единичного; со стороны формы и содержания текста. Определяя содержательную сторону джаза, этот композиционно-смысловой каркас в то же время не является устойчиво застывшей, определённой раз и навсегда формой, а является основой для пересоздания.

«Одновременно импровизатор реализует в импровизации свои эмоциональные и духовные потенциальные возможности, замыслы и проекты, не реализованные в эмпирической жизни. Погружение в поток свободной импровизации — это уход от пассивной и внешней определённости своего случайного бытия и переход к свободной внутренней самореализации, к динамической, а не статической форме существования, переход от мнимости к аутентичности» [5, с. 127]. Это говорит о том, что свобода не просто одна из характеристик импровизации, указывающая на её игровое начало, а необходимое условие самого её существования, без которого теряется её сущностный смысл. Иными словами, свобода определяет как сущность, так и существование импровизации в её субъектном и объектном выражении.

Вторая характеристика импровизации, определяемой как игра, есть её особый *пространственно-временной континуум*. Как любая игра импровизация «разыгрывается» в определённых рамках пространства и времени и обособляется от «обыденной» жизни местом действия и продолжительностью [3, с. 27]. Как и любая игра, импровизация совершается в конкретное время, так как музыка суть временное искусство. Обособленным пространством импровизации чаще всего бывает сцена. На сцене царит неповторимая, свойственная только миру джаза атмосфера, во многом определяемая исполнителем и публикой, и в свою очередь оказывающая влияние на всех участников процесса. Однако можно выделить две универсальные составляющие, определяющие характер возникающего пространства: *антропогенную и вещную*. Антропогенная составляющая объективируется в создании эстетической эмоции, которая творится личностью исполнителя, или коллективом исполнителей, то есть субъектами джазовой импровизации. Так, на концертах Эллы Фицджеральд царила эмоциональная атмосфера задора, юмора, детской непосредственности, лиризма, мягкой самоиронии, жизнелюбия, дружеского отношения к слушателям.

Немаловажным является и то, как выглядит тот или иной исполнитель. Это накладывает свой, неповторимый отпечаток на восприятие музыки. Элегантный Дюк Элингтон, аристократичный и утонченный Дэйв Брубек, щёки Диззи Гиллеспи, или ползающие, растекающиеся по роюлю движения Кейта Джаррета, тёмные очки Чарли Паркера, всё это является частью джазового пространства. Поведение джазменов на сцене определяется активностью их кинетической составляющей, они ведут интенсивный диалог с публикой, как средствами музыки, так и словесный. На джазовые концерты ходит определённая публика, основной состав которой подготовленные слушатели и знатоки джазовой музыки. Они вместе с исполнителем создают джазовое поле, внутри которого рождаются импровизации.

Так же стоит отметить, что немаловажную роль в совместном проживании музыкального действия играет *предметно-вещный мир*: архитектура, интерьер, география концертов. Вполне очевидно, что музыканты и слушатели абсолютно по-разному ощущают себя в Большом зале консерватории и на сцене провинциального Дворца культуры, на подмостках

джазового бара в Америке и в джазовом баре Шанхая. Один и тот же слушатель, пришедший на эти концерты, получит абсолютно разное впечатление от каждого из них. Пространство, как правило, адекватно исполнителю, активно взаимодействует с ним. Это взаимодействие наиболее активно проявляется в джем-сэйшнах. Зачастую проблема восприятия кроется в том, что концерты, рассчитанные на камерную сцену, плохо воспринимаются на стадионах, а большой оркестр требует большой сцены, а не маленького камерного зала.

Время в процессе импровизации также имеет особое качество, поскольку импровизация — это экзистенциальное состояние откровения музыканта, в которое он погружается на глазах у публики, удерживая при этом её пристальное внимание. В этом состоянии происходит сопряжение внутреннего времени творящего субъекта и объективного для всех внешнего времени, в котором находится слушатель. Полагаем, что при этом субъективное время импровизатора доминирует над объективным временем слушателей. Вероятно, здесь имеет место не спокойное течение времени, но факт темпоральной границы, о чём говорит и колоссальный выброс творческой энергии в момент чистой импровизации. Иными словами, это состояние трансцендирования.

Внутри пространственно-временного континуума импровизации сложился и действует определённый *порядок*. Свобода импровизации не отрицает наличие в ней определённых правил, порядка. Импровизация не только творит порядок, имеющий непреложный характер, она сама является порядком. В сумбурном мире реальности она создаёт временное, ограниченное совершенство. При этом малейшее отклонение от порядка расстраивает импровизацию [3, с. 28]. Например, считаются нормальными и приветствуются аплодисменты после удачного соло того или иного музыканта, тогда как в классике это — дурной тон. Порядок импровизации определён уже самой её природой. Она не подготовлена заранее, и это есть её порядок, без которого импровизация становится композицией, то есть переходит в иное качество. Импровизация — это сочинение музыки с одной попыткой, «без права на ошибку», как говорят минеры [7, с. 1].

Порядок в импровизации имеет как пространственное, так и временное выражение. Импровизаторы знают, кто за кем играет своё соло, легко поддерживают музыкальный диалог и полилог, переходя от соло к аккомпанементу. Порядок должен царить на пространстве сцены, зрительного зала, проявляться в одежде, кинетике, расположении музыкантов и слушателей в пространстве, а также определять спонтанность творческого процесса, временную протяжённость выступления, очередность сольных модулов, временные паузы для аплодисментов. Порядок импровизации во многом определён стандартом, неделимая, неизменяемая структура, которого лежит в основе импровизационных вариантов. Наличие стандарта — залог порядка в импровизации; она совершается не хаотично, а в определённых стандартом структурных пределах. Однако стандарт не является абсолютным условием импровизации. Существуют такие импровизаторы, как Бикс Байдербек, Фрэнк Трамбуэр, Коулмен Хокинс, Пол Дезмонд, Джерри Маллиган, Пол Уинтер, Тони Скотт, Ян Гарбарек, Терри Рипдаль. Известны представители фри-джаза (этот вид джазовой музыки ориентирован на свободное импровизирование, при отсутствии, на первый взгляд, стандарта). Тем не менее во фри-

джазе имплицитно существует тема, а импровизация есть сочинение на свободную тему. Пусть музыкальная мысль, ничем не сдержанная, оформляется в созвучия на глазах у слушателей, она всё равно определена стилевыми и ладовыми рамками, возможностями инструмента и музыкальным багажом импровизатора. То есть основным правилом, порядком является наличие основания импровизации в виде темы, стандарта, который, в свою очередь обладает пространственно-временными характеристиками. Он существует, как некий отпечаток, зафиксированный в нотной записи образец, в пространстве джазового культурного поля. Исполняемый во времени он подвергается изменениям, которые позднее так же могут быть зафиксированы в пространстве.

Существенным признаком импровизации как игры является *отсутствие целеполагания*. Точнее сказать, импровизация имеет цель в себе самой: «Не будучи "обыденной" жизнью, она лежит за рамками процесса непосредственного удовлетворения нужд и страстей. Она прерывает этот процесс. Она вклинивается в него, как временное действие, которое протекает внутри себя самого и совершается ради удовлетворения, приносимого самим совершением действия» [3, с. 25].

Движение к цели осуществляется через овладение пространством и временем. Эти два фактора зачастую определяют успех предприятия. Недостаточное владение временем, его нехватка, неадекватное пространство, неумение подчинить его себе зачастую могут помешать осуществлению цели. Поскольку интенция импровизации обращена внутрь себя самой, то в данном случае пространство и время предстают перед нами в сжатом или, напротив, в разряженном виде. Конечной целью импровизирующего музыканта является сама импровизация. На первый взгляд, это может показаться спорным, ведь воздействие на слушателя является немаловажным фактором и так же может трактоваться, как конечная цель импровизатора. «Импровизация, выступающая как акт музыкального исполнительства, одновременно является и актом музыкальной (художественной) коммуникации, и не только между членами ансамбля, но и между музыкантом и слушателем. Именно с последним связаны понятия музыкального смысла и оценки, ибо лишь акт восприятия превращает саму импровизацию в факт культуры» [4, с. 95]. Однако воздействие на слушателя является лишь определённым этапом на пути к достижению цели. Воздействуя на публику, импровизатор получает реакцию слушателей, улавливает обратную связь, которая стимулирует его к продолжению творческого процесса. Но творческое удовлетворение и музыкант, и публика получают именно от процесса творения музыки. Следовательно, круг замыкается и импровизация, по сути, как и любая другая игра, энтелехийна.

Пространственно-временной континуум импровизации напрямую определяется *повторяемостью*. Она может повторяться целиком и содержать элементы повтора внутри себя. «Эта повторяемость есть одно из существеннейших свойств игры. Элементы повтора, рефрена, чередования встречаются на каждом шагу почти во всех развитых игровых формах» [3, с. 27]. Повторяемость так же носит пространственно-временной характер. Повторяя нечто, мы стремимся воплотить заново когда-то пройденный в определённом пространстве отрезок времени. Полностью это никогда не удаётся, поскольку пространство и время находятся в посто-

янной изменчивости. Повтор лежит в основе культурной джазовой традиции, ведь наиболее удачные импровизации в джазе фиксируются и существуют как классические образцы. «Будучи однажды сыгранной, она остается в памяти как некое духовное творение или ценность, передаётся далее, как традиция и может быть претворена в любое время» [3, с. 27]. Совершенно нормальным считается исполнять импровизацию Майлса Дэвиса, Диззи Гиллеспи, Эллы Фицджеральд, и т.д. Импровизации великих мастеров имеют статус духовного наследия джазовой культуры. Импровизаторы-новаторы создают свою, новую лексику, возникает новая система мышления, к числу таких музыкантов относятся Чарли Паркер, Джон Колтрейн. Язык, созданный ими, стал музыкальным фундаментом для творчества их последователей. Наиболее талантливые последователи, овладев этим языком, стали высказывать на нём свои собственные мысли. «Многие саксофонисты не стыдясь называют сами себя "паркеристами" или "колтрейнистами". Некоторые из них играют довольно близко к первоисточнику, как, например, Сони Стит, который дословно повторяет целые фразы Чарли Паркера. Другие, расшифровав формулы построения фраз, подставляют туда свои значения, свои ноты и играют уже в собственной манере» [7, с. 1], сохраняя заданный стиль. Обучение искусству импровизации в джазе, во многом состоит в изучении и освоении импровизаций признанных мастеров. «Снимая» их импровизации с записей, музыкант приобретает музыкально-лексическую базу, багаж для собственного творчества. «Человек, решивший посвятить себя импровизации, должен обладать аналитическим умом для того, чтобы не просто копировать чужие фразы, а понять закон, вывести формулы, по которым они строятся. И тогда уже подставлять в них свои ноты. А потом уже и пойти дальше попытаться придумать свои законы, свои формулы» [7, с. 1]. Таким образом, именно формулы и их повторяемость есть ключ к познанию техники импровизации.

Пространственно-временной континуум импровизации также определяется и таким качеством, как *состязательность*. Практически любая игра, и импровизация в частности, явно или имплицитно имеет соревновательный характер. «Ни в каком публичном человеческом деянии, начиная с поединка Аполлона и Марсия и до наших дней, фактор состязания не был так очевиден, как в музыке» [3, с. 262]. Состязательность так же обладает пространственно-временными свойствами. В узком смысле победителем является тот, кто лучше других овладел определённым пространством, к примеру, первым, то есть быстрее других преодолел его. Субъект импровизации демонстрирует свои умения в определённом пространстве, а за овладением этими умениями имплицитно стоит энное количество времени. Критерием мастерства могут признаваться такие пространственные факторы, как количественный диапазон владения материалом, качество владения этим материалом, в виде временных факторов выступает скорость, либо напротив, способность выдерживать длительные дистанции. Импровизируя на заданную тему в джем-сейшнах, музыканты состязаются в искусстве владения инструментом, импровизационными техниками, в личном обаянии. Соревновательность может иметь имплицитный характер. Например, вокалист Бобби Макферен зачастую выступает без поддержки инструменталистов. Здесь включается шкала внутренней самооценки. И если восхищение слушателей не совпадает с самооценкой исполнителя, он

не сможет испытать радость и удовлетворение от концерта. Соревнование с самим собой является высшим проявлением состязательности в искусстве. Так, в хороших джазовых коллективах уходит дух соперничества, а возникает общее стремление лучше и лучше играть музыку. Если обратиться к записям выступлений квартета Дэйва Брубэка, мы увидим именно такой пример взаимодействия музыкантов.

Состязательность напрямую сообщается с таким качеством игры, как напряженность. «Элемент напряжения занимает в игре особое и важное место. Чтобы что-то «удалось», требуются усилия» [3, с. 29]. Импровизация без напряжения также невозможна. Это напряжение происходит в пространстве и времени концертного действия. Играющий музыкант преодолевает множество препятствий, одним из которых является инстинктивный страх выступления на сцене. Пространство сцены имеет невидимые психические границы, где всё происходит не так, как в обычной жизни. Другим аспектом напряженности является необходимость прикладывать чисто физические усилия, в момент исполнения музыки. Например, игра на таком инструменте, как контрабас, требует большой физической силы. Элла Фицджеральд на многих видеозаписях вытирает капельки пота со лба во время концертов. Музыканты, как и спортсмены, после выступления теряют в весе.

«Именно элемент напряжения сообщает игровой деятельности, которая сама по себе лежит вне области добра и зла, вполне определённое этическое содержание. Во всяком случае, напряжение игры подвергается проверке играющего: его физическую силу, выдержку и упорство, находчивость, удачу и отвагу, выносливость, а вместе с тем и духовные силы играющего, колы скоро он, одержимый пламенным желанием выиграть, должен держаться в предписываемых игрой рамках дозволенного» [3, с. 29]. Ведь исполняя импровизацию нужно не просто донести до слушателя признанный шедевр, как в классике, а удивить, показать что-то новое, заявить откровенно свою позицию, обнажить именно своё умение творить, свой креативный потенциал. За напряжением, явленным во время исполнения, ноуменальное напряжение труда и творчества. За свободой импровизации скрыта подчас мучительная необходимость выполнения музыкантом своего твор-

ческого предназначения. Таким образом, объективные пространство и время обретают в джазовой импровизации свой собственный модус субъективного, музыкального креатива, который может быть охарактеризован как *стремление к красоте*. При этом модус импровизационного бытия с субъективными пространством и временем во время исполнения доминирует над объективными пространством и временем реципиента.

Данное исследование актуально для осмысления импровизации как в музыковедческой, так и в философской практике, а также относительно любой области, связанной с искусством. Понимание пространственно-временных характеристик импровизации даёт возможность осознать данный феномен как универсалию, что может повысить креативный уровень культурного пространства г. Омска.

Библиографический список

1. Королёв, О. К. Краткий энциклопедический словарь джаза, рок- и поп-музыки: Термины и понятия / О. К. Королёв. — М. : Музыка, 2006. — 168 с.
2. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. — СПб. : Наука, 2002. — 471 с.
3. Хейзинга, Й. Homo Ludens / Й. Хейзинга ; пер. с нидерланд. В. Ошиса. — М. : АСТ, 2004. — 539 с.
4. Барбан, Е. Джазовые опыты / Е. Барбан. — СПб. : Композитор • Санкт-Петербург, 2007. — 336 с.
5. Барбан, Е. С. Черная музыка, белая свобода / Е. С. Барбан. — СПб. : Композитор • Санкт-Петербург, 2007. — 284 с.
6. Жбиковская, О. А. Нормирование в культуре: гендерный и национальный аспект (на материале сравнительного анализа русской и французской культуры) : автореф. дис. ... канд. философ. н. / О. А. Жбиковская. — Омск, 2008. — 19 с.
7. Козлов, А. Об искусстве импровизации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.djembuka.ru/music/improvisation.php> (дата обращения: 25.01.2011).

НОВИКОВА Екатерина Борисовна, аспирантка кафедры философии.

Адрес для переписки: e-mail: katika73@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2011 г.

© Е. Б. Новикова

Книжная полка

Белов, А. К. Философия естественной природы. (Метафизика для физиков и математиков). Ч. 1. Совершенная материальная действительность / А. К. Белов. — М. : Спутник+, 2011. — 355 с. — ISBN 978-5-9973-1517-7.

Кто такие учёные? Раньше этот вопрос многим показался бы странным. Но не сегодня. Когда-то все считали, что ученые — это люди с твёрдым убеждением в неизблемости устоев природы. Однако в наше время в их рядах стало твориться что-то невообразимое. Одни, уже «остепенённые» научными званиями, неожиданно разуверились в справедливости эволюционной теории. Других перестало восхищать классическое естествознание. Третьи принялись распространять слухи о «разбегании» галактик. Спрашивается, так ли современные учёные умны и мудры, как это продолжает многим казаться. Автор данной книги заново проанализировал философские и естественнонаучные взгляды талантливого физика А. Эйнштейна, который, как известно, в своей наделавшей много шума работе подверг сомнению совершенство классического естествознания. Прежние варианты критического анализа теории относительности хоть и были результативными, однако, с точки зрения автора, каждый раз оставались недостаточно полными. Новизна настоящего труда в том, что разбору и критике подвергнуты теория и общее мировоззрение Эйнштейна в их слитности. Для этого читатель вначале ознакомится с заново проработанной научной картиной мира, без ориентировки в которой полное опровержение теории относительности и дальше, скорее всего, оставалось бы делом нереальным.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ПОДХОДОВ В РУССКОМ АНАРХИЗМЕ

Предпринятый в данной статье историко-философский дискурс ставит целью обоснование теории анархизма в качестве актуальной составляющей современной социальной реальности России.

Ключевые слова: гражданское общество, теория анархизма, социальная организация, демократия, самоорганизация.

Отправным пунктом для анализа любого общественного состояния может быть как человек, так и социальная структура. В первом случае фундаментом является духовный мир человека, во втором — состояние социума и общественные отношения. Следствием «столкновения» человеческого характера¹ с вызовами времени является генезис разнообразия социально-философских теорий, направленных на рефлексию и преобразование социальной действительности, которая, к сожалению, в силу различных причин, постоянно нуждается в преобразованиях к лучшему. Возникновение анархизма — учения об обществе, согласно которому руководящим началом признается только воля отдельной личности, при этом всякий авторитет и государственный строй отвергается, связано как с проявлениями личностной зрелости отдельными людьми, так и с достижением самодостаточности общества в целом. Философия анархизма — это своего рода мыслительная модель, заключающая в себе социокультурные особенности, присущие той или иной модели безвластного общества, т.е. отбрасывающего все виды авторитета, как-то: государство, церковь, право и др.

Сегодня, в пик псевдodemократической властной вертикали в России актуализируется один из базовых принципов анархизма — ради решения любых проблем, которые касаются общества в целом, а также осуществления проектов, которые затрагивают широкие слои общества, инициатива должна выстраиваться снизу вверх, а не наоборот.

Анархизм на протяжении значительного времени претендует на статус способа существования социальной действительности. В социально-философском, политико-эпистемологическом и социально-эпистемологическом срезах теория анархизма диалектически противоречива, что свидетельствует о её «не запыленности» временем, а значит, об актуальности. Свидетельствами наличия внутренних противоречий в среде анархизма являются диаметрально противоположные позиции в отношении: демократических институтов, частной собственности, религии, насилия и ненасиления, этнонациональных вопросов, революции, технологического прогресса, цивилизации, этики [1, с. 31].

С позиций современности подчёркнутую важность в свете уточнения теоретических основ анархизма имеет упоминание о его эпистемологическом «тёжке» — принципе методологического анархизма

П. Фейерабенда, выраженного формулой «anything goes» (всё дозволено), а также релятивизме Куайна и Т. Куна. Данные принципы не следует отождествлять только лишь с релятивистской вседозволенностью, а признавать посредством их плюрализм как: а) яркий образчик культуры постмодерна; б) важную предпосылку зрелости демократических процессов; в) свойства и изменения, возникающие под воздействием социальных и культурно-исторических условий и ситуаций, являющиеся главными параметрами знания.

Современной социальной философией выделяется четыре атрибутивных характеристики общества: самоорганизация, самодеятельность, саморазвитие и самодостаточность. Самодеятельность, самоорганизация и саморазвитие в той или иной мере присущи не только всему обществу в целом, но и отдельным элементам, однако самодостаточным может быть только общество в целом: совокупность всех видов деятельности, все вместе взятые социальные группы, институты (семья, образование, экономика, политика и т.п.) создают общество в целом как самодостаточную систему². Русские анархисты проповедовали самодеятельность населения: «Мы хотим устроить так, чтобы каждому родящемуся на свет человеческому существу было обеспечено, во-первых, то, что оно выучится какому-нибудь производительному труду и приобретёт в нём навык, а во-вторых, то, что оно сможет заниматься этим трудом, не спрашивая на то разрешения у какого-нибудь собственника или хозяина и не отдавая львиной доли всего своего труда людям, захватившим землю и машины» [2]. Анархо-коммунисты, в частности П. Кропоткин, утверждали: действительно свободная форма социальной организации возможна только в таком обществе, которое состоит из самоуправляющихся коммун и общин, в которых организовано коллективное использование средств производства, внутри которых действует принцип прямой демократии, то есть коллективного, совместного принятия решений, а между собой эти коммуны связаны через объединение в федерации и/или конфедерации, посредством горизонтальных, и вертикальных (построенных снизу вверх) связей. В России конец соревнованию между анархистами (антиэтатистами) и радикалами-государственниками (этатистами) положил В. И. Ленин, который реализовал выстроенный им в работе «Государство и революция» (1917 г.) план по превращению государства в воору-

женный «синдикат», служащими которого по найму являются все члены общества³.

Современный анархист Синди Милштейн определяет философию анархизма как политическую традицию, постоянно находящуюся в месте соприкосновения индивидуального и общественного. Отметим здесь, что развитие общества немислимо без согласия по общим целям [3]. Современные анархисты пытаются создать некую альтернативу отчуждённому социуму, решая все вопросы коллективно, на основе консенсуса, уважая личность и избегая всякого авторитаризма и иерархии: субординация должна быть заменена координацией. Патриархату противопоставляется равенство полов, традиционным семейным отношениям — коммуны, иерархии — самоуправление. Пропагандируются и активно практикуются экологизм, антиимпериализм и антифашизм. Анархисты активны в отношении любой формы дискриминации: национальной, гендерной, сексуальной; чуждо им и осуществление межгосударственных войн и проводимой некоторыми западными странами политики неокOLONиализма.

Если анархизм в угоду его критикам принять в качестве симптома болезненного состояния общества, то «лекарством» будет являться демократия, включая правовое государство и гражданское общество. Место государства в мире зависит от институционального потенциала для демократического развития, а также и от качества реализации государством своих социальных функций, приоритетной среди которых является жизнеобеспечение собственного населения [4, с. 59].

Социально-философская интерпретация жизнеобеспечения населения, т.е. потребностей и интересов индивидов прослеживается по работе постпозитивиста К. Р. Поппера «Открытое общество и его враги», перемежающаяся, на наш взгляд, с базовыми принципами анархизма. Под открытым обществом Поппер имел в виду не государственное и экономическое устройство, а, прежде всего, индивида и его свободу. Государство призвано служить человеку, оно должно существовать ради свободы своих граждан и свободы общественной жизни, т.е. не общество должно служить государству, а государство — свободному обществу. Отсюда следствие: каждый гражданин должен сочетать лояльность с некоторой степенью бдительности и даже недоверия к государству и его чиновникам. Он обязан следить за тем, чтобы государство не переступало границ своей компетенции. В конечном счете, только традиции свободного общества — включая традицию ревностной бдительности граждан — могут составить противовес государственной власти и держать ее под контролем. На этом держится любая свобода. Даже налаженная и хорошо работающая демократия не имеет никакого другого оправдания, как то, что это наименьшее из зол. Гражданским долгом человека, таким образом, признаётся необходимость бдительно следить за тем, чтобы государство не переступало границ своих законных полномочий. Под врагами общества Поппер подразумевал Авторитет, Сообщество и Бюрократию (ср. с принципами анархизма). «Главной проблемой, возникающей в связи с открытым обществом, является наша способность организовать общество таким образом, чтобы не допустить подчинения индивидуальной свободы авторитету общества, не дать свободе окончательно затеряться в лабиринте бюрократических структур» [5, с. 97, 98].

Помочь каждому человеку в осуществлении процесса осознания возможности собственной незави-

симости — одна из целей анархизма. И. А. Бродский, принуждённый властями «сменить советский паспорт», отмечал, что независимость есть лучшее качество и лучшее из слов на всех языках. В лекции, прочитанной им по случаю присуждения ему Нобелевской премии по литературе 1987 г. он провозгласил следующее: «Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно». Начинается лекция примечательными в социально-философском контексте теории анархизма словами: «Для человека частного, и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшего, для человека, зашедшего в предпочтении этом довольно далеко — и, в частности, от родины, ибо лучше быть последним неудачником в демократии, чем мучеником или властителем дум в деспотии...» [6, с. 240].

В данной связи следует обратить внимание на уважительность философии в среде гуманитарных наук, причиной чего является стремление философии ко всеобъемлющему осмыслению бытия, своего рода осуществлению суда разума. Одним же из следствий уважительного отношения к философии является современный процесс знаниевой интеграции, ядром которой является философия науки, чем подтверждается былой статус философии как *alma mater* всех наук. Приверженность теориям анархизма может быть истолкована как проявление творческого инстинкта молодости. Однако следует помнить о разновозрастных представителях данного учения, чем ставится под сомнение один из критических доводов в отношении анархизма — обвинение в инфантилизме.

Анархизм может быть и способом ухода от социума (хотя данное обстоятельство лежит больше в плоскости социально-психологической, нежели в социально-философской). Позиция может быть чисто внутренней или более-менее публичной. Таким образом, достигается относительная свобода мысли, но этот способ нечестен тем, что индивид продолжает зависеть от социума, который критикует, поэтому претерпевает неизбежное внутреннее искажение. Большинство проблем, которые с этим связаны, — проблемы внутреннего сознания диссидентов. Вообще, всем тем, кого не устраивает господствующая культура, можно посоветовать или отыскать другую, или создать ее. Первый способ подходит для групп, второй — для одиночек [7].

Укором человечеству являются слова создателя гуманистического психоанализа, «философа от психологии» Эриха Фромма: «У нас — человеческих существ, нет других целей, кроме всё большего производства и потребления. Мы ничего не желаем, но и ничего не *не* желаем. Нам угрожает вымирание в результате применения ядерного оружия и внутренняя омертвелость из-за пассивности, исключаящей нас из числа тех, кто принимает решения» [8, с. 12]. Теория анархизма⁴ являет собой ярчайший пример праксеологического отношения человека к миру, и, несмотря на не прекращающуюся критику данного мировоззрения (сводящаяся в основе своей к «награждению» его статусами «утопии» и «болезни общества»), представляется заслуживающей интереса и перспективной. Анархисты, в частности, П. Кропоткин, пытались внушить людям, что от нас самих будет зависеть: осуществлять ли стремления, наметившиеся в современном обществе, или пойти по старым дорогам, «не водворивши ничего существенного в направлении к коммунизму» [2]. Коммунистическое направление скоррелировано множеством раз в процессе бесконечных попыток модернизации

отечественной политики, обещающих всем нам лучшее будущее. В конечном итоге, обещание лучшего будущего есть двигатель прогресса, сжигающий, правда, много топлива, в т.ч. человеческого.

Примечания

¹ При «увеличении» масштаба получаем «столкновение цивилизаций»: в монографии с одноимённым названием С. Хантингтон обратил внимание на то, что после распада СССР мир не только не пришёл к либеральному единообразию, а, наоборот, распался на множество цивилизационных миров.

² Панарин, А. С. Учебное пособие по социальной философии / А. С. Панарин. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.philosophy.ru/edu/ref/soc/phi_benin.html (дата обращения: 20.07.2011).

³ См. также работу Л. Троцкого (1879–1940 гг.) «Перманентная революция».

⁴ Одними из основателей научной теории анархизма, возникшей в Новое время, наряду с упоминавшимся уже Прудоном были: англичанин У. Годвин, немецкий мыслитель М. Штирнер, социальные анархисты (россияне) М. Бакунин (анархо-коллективист) и П. Кропоткин (анархо-коммунист).

Библиографический список

1. Современный политический анализ и политические технологии : коллективная монография / Под общ. ред. д. ф. н., проф. Л. Н. Панковой, д. ф. н. М. М. Зязикова. — М. : Профиздат, 2005. — 216 с.

2. Кропоткин, П. Хлеб и воля / П. Кропоткин // Хлеб и воля. Современная наука и анархия. [Электронный ресурс]. —

Режим доступа: <http://avtonom.org/old/lib/theory/kropotkin//kropotkin/hleb.html> (дата обращения: 15.07.2011).

3. Лепский, В. Е. Проблемы субъектов российского развития / В. Е. Лепский // Рефлексивные процессы и управление : международный научно-практический междисциплинарный журнал. — 2006. — № 2. Т. 6. — С. 19.

4. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности») / А. Ю. Мельвиль [и др.] ; научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. — М. : МГИМО-Университет, 2008. — 135 с.

5. Ноттурно, М. Открытое общество и его враги: сообщество, авторитет и бюрократия / М. Ноттурно // Вопросы философии. — 1997. — № 11. — С. 90–104.

6. Бродский, И. А. Поклониться тени : эссе / И. А. Бродский. — СПб. : Азбука-классика, 2006. — 256 с.

7. Косилова, Е. В. Способы ухода от социума / Е. В. Косилова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vfc.org.ru/rus/personalsites/kosilova/scientia/Werke/autism/Weggehen.php> (дата обращения: 15.07.2011).

8. Фромм, Э. Революция надежды / Э. Фромм. — М. : АСТ МОСКВА, 2006. — 283 с.

КОМАДОРОВ Илья Сергеевич, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью. Адрес для переписки: e-mail: irina-komadorova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.10.2011 г.

© И. С. Комадоров

Книжная полка

Аврелий, М. Наедине с собой. Размышления / Марк Аврелий. — М. : АСТ, 2011. — 384 с. — ISBN 978-5-17-075437-3.

Марк Аврелий Антонин (121–180), римский император, чьи личные записи стали философским откровением для потомков, прозавших его «философом на троне», был вынужден проводить жизнь в военных походах. Его «Размышления» («Наедине с собой») родились в 70-е гг. II в. н. э. в походной палатке. «Жизнь — борьба и странствия на чужбине. Но что может вывести на путь? Ничто, кроме философии. Смерть не имеет к нам никакого отношения — когда существуем мы, не существует она, когда же есть она — мы уже не существуем» (Марк Аврелий). Проницательный наблюдатель, наделенный редкой интуицией, Марк Аврелий Антонин проповедовал смирение и аскетизм. В этом его этические взгляды, представления о разуме и душе оказались близки учителям Церкви и оказали влияние на христианских мыслителей от блаженного Иеронима до Л. Н. Толстого.

Синельников, В. В. Найди свой Истинный Путь / В. В. Синельников. — М. : АСТ, 2011. — 153 с. — ISBN 978-5-17-074202-8.

Что такое Истинный Путь? Где начало Пути и его конечная цель? И почему мы говорим Истинный Путь? Значит, есть еще и Ложный Путь? Чем они отличаются друг от друга? Почему одни люди испытывают разочарование или страх в конце своей жизни, а другие — спокойствие, радость и умиротворение? Предназначение человека — в чем оно? На эти и другие вопросы, которые возникнут у читателя в ходе повествования, автор старается ответить на страницах этой книги.

Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. — М. : АСТ, 2011. — 446 с. — ISBN 978-5-17-071975-4.

Эрих Фромм — крупнейший мыслитель XX века, один из великой когорты «философов от психологии» и духовный лидер Франкфуртской социологической школы. Труды Эриха Фромма актуальны всегда, ибо основной темой его исследований было раскрытие человеческой сущности как реализации продуктивного, жизнотворческого начала. В прошлом опасность была в том, что люди становились рабами. Опасность будущего в том, что люди могут стать роботами.